E40
1599

ИНЖЕНЕР
С. Д. ШЕИН

СУД НАД ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ В ДОНБАССЕ

ЗАМЕТКИ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Инж. С. Д. ШЕИН

Е40 — 1599

СУД НАД ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНТР-РЕВОЛЮЦИЕЙ В ДОНБАССЕ

Заметки общественного обвинителя

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1928 — ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
8821 — 1928 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие 3

1. Кто они? 7

2. Социальное происхождение вредителей 37

3. Приемы и методы вредительства 51

4. Почему они так долго продержались? 62

5. Отдельные районы 77

6. Харьковский и московский центры 84

7. Уроки Шахтинского процесса 96

Приложение. Речь общественного обвинителя, пред. ВМБИТ'а, инж. С. Д. Шеина 107

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 8821
26-12-28 г.
БИБЛИОТЕКА

Главлит № А 14679. А. 16. Гиз. № 28047. Тираж 3.000 экз.

5-я тип. «Транспечать» НКПС «Пролетарское Слово». Москва, Южный пер., д. № 4.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Социалистическое строительство в СССР, на основе завоеваний Октября, является первым во всем мире и во всей истории опытом, осуществляемым пролетариатом. Это социалистическое строительство происходит в отсталой стране, по преимуществу аграрной, с большим количеством мелких крестьянских хозяйств, при недостаточном развитии индустрии, при отсталой, устарелой технике. Эти обстоятельства создали исключительно трудные условия для строительства социализма.

При всем том широкие массы рабочих и крестьян, освободившиеся в Октябре от эксплоатации капиталистов и помещиков, неуклонно, несмотря на многочисленные трудности и препятствия, идут под руководством Всесоюзной коммунистической партии (б) к намеченной цели, — и нет силы, которая заставила бы их с этого пути свернуть или отступить.

Результаты творчески-хозяйственной деятельности широких трудящихся масс за 11 лет пролетарской революции общеизвестны: восстановление разрушенного империалистической и гражданской войнами народного хозяйства до довоенного уровня и, затем, дальнейшее движение вперед, перерастание довоенного уровня, инду-

стриализация страны, постепенное превращение ее из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную, капитальное строительство с миллиардными вложениями, введение усовершенствованной техники, постепенный переход к коллективным формам сельского хозяйства и пр.

Вся эта гигантская работа совершалась и совершается ь обстановке вражеского окружения, когда империалистические державы зорко следят за каждым шагом СССР, готовясь при первом же удобном для них случае перейти к новой вооруженной интервенции.

Именно поэтому особенно чудовищно преступление группы шахтинских заговорщиков, создавших подпольную организацию, существовавшую ряд лет и поставившую себе, в интересах международного финансового капитала и при его активной поддержке, основной задачей организованное вредительство, срыв и искажение планового способа ведения народного хозяйства, создание ряда перебоев и затруднений в деле капитального строительства, дискредитирование самой идеи социалистического строительства и ослабление обороноспособности нашего Союза.

Будучи технически высококвалифицированными, эти вредители вели преступнейшую подрывную работу, осуществляя, таким образом, новый вид интервенции капиталистических государств против страны рабочих и крестьян.

Свое организованное вредительство «шахтинцы» осуществляли на одном из важнейших участков нашего хозяйства — в Донецком угольном бассейне. Уголь, металл, нефть — три основных производства средств производства, а, следовательно, и всего народного хозяйства.

Шахтинские вредители свою послеоктябрьскую деятельность начали с того же, что и весьма значительная часть нашей интеллигенции, — с организованного саботажа мероприятий советской власти. Но за истекшие после Октября годы эволюция шахтинцев и эволюция подавляющей массы нашей интеллигенции шла в диаметрально-противоположных направлениях. Интеллигенция нашей страны не сразу поняла Октябрьский переворот, прошла через полосу саботажа, борьбы с советской властью, прежде чем ее все более и более широкие массы были переломлены в своем настроении и пошли по широкой дороге советского социалистического строительства. Но шахтинцы проделали за 10 лет совершенно обратную эволюцию: от первоначальных антисоветских настроений — к контр-революционной системе активного вредительства, к подрыву нашего хозяйства, к подрыву социализма.

Пути шахтинцев и остальной массы интеллигенции расходились все больше и больше, чтобы в Колонном зале Дома союзов встретиться на разных сторонах баррикады: представители беспартийной советской интеллигенции — в качестве общественных обвинителей, шахтинцы — в качестве подсудимых.

Общественное значение шахтинского процесса обусловливается тем, что шахтинцы явились авангардным вредительским отрядом, руководимым из-за границы («Мы — исполнители. Инициаторы — за границей», говорил на суде Братановский). Кроме того, в лице шахтинцев была явлена всему миру картина падения и разложения активных прослоек, имеющихся среди правой группы нашей интеллигенции.

Вот почему и СССР, и весь мир с напряженным вниманием следил за ходом и исходом шахтинского процесса. Вот почему рабочие Донбасса послали на процесс целую делегацию. Вот почему многочисленные иностранные корреспонденты ежедневно информировали заграничную прессу о ходе процесса.

Присутствуя на суде в качестве общественного обвинителя, делегированного ВМБИТ'ом (Всесоюзное межсекционное бюро инженерно-технических сил), наблюдая день изо дня развитие судебного разбирательства, суммируя впечатления от показаний обвиняемых, — я хотел бы в последующем изложении поделиться с читателями своими наблюдениями, дать очерк экономической контр-революции в Донецком бассейне.

На полноту изложения данная брошюра не претендует; ее цель — дать общую картину вредительства, выявить его мотивы и причины, его социальные корни и дать характеристику обвиняемых.

---

1. Кто они?

В Колонном зале Дома союзов в Москве идет суд. Верховный суд судит шахтинских контр-революционеров. Вместо традиционной скамьи подсудимых — целый угол, значительная часть левого от входа сектора зала, занят подсудимыми; их — 53 человека.

Среди них — только один-два бывших крупных углепромышленника. Бывших мелких шахтовладельцев среди подсудимых также немного (Емельян Колодуб, Самойлов). Все остальные — горные инженеры и горные техники, интеллигенты по социальному положению, квалифицированные специалисты по профессии, большей частью, выходцы из рядов мелкой и мельчайшей буржуазии.

«Наука, техника, искусство, — писал Ленин, — в руках специалистов и в их головах». Техника горно-рудного дела — в головах подсудимых. Они — бывшие ответственные работники Донугля, бывш. главные инженеры, управляющие рудниками, главные механики, — мозг Шахтинского района Донбасса, всесоюзной кочегарки.

Как шахтинцы использовали свой технический опыт, свои знания, приобретенные за счет трудящихся (их копейки шли на содержание Горного института? Здесь было

все: вероломство, предательство, продажность, взяточничество, укрывательство — и все это на фоне надругательского, безобразного отношения к служебному долгу, к служебному делу.

Шахтинцы вызвали негодование со стороны всех честных советских граждан. Но дело отнюдь не в нашем негодовании. Постараемся проанализировать, какие экономические и социально-политические причины превратили целую группу инженеров и техников, состоявших на советской службе, в свою собственную противоположность, в услужающих бывшего совета с'ездов горнопромышленников юга России, т.-е. международного финансового капитала.

Интеллигенция в своей массе встретила Октябрьскую революцию враждебно. Верхушечная часть интеллигенции и некоторая часть средней интеллигенции были костью от кости и плотью от плоти буржуазии. К пролетарской революции они отнеслись глубоко отрицательно, и для них она ни в каких формах не могла быть приемлемой. В соответствии с этим эта часть интеллигенции вела с Октябрьской революцией упорную борьбу, всячески воевала с ней и притихла (и даже внешне, как-будто, примирилась с ней) лишь после того, как революция окончательно укрепилась.

Другая, менее буржуазная и более демократическая часть интеллигенции, хотя первоначально отнеслась к Октябрьской революции отрицательно и даже враждебно (саботаж), но затем изжила свое неправильное понимание Октября и стала работать с советской властью — сначала лишь вследствие профессиональной и материальной заинтересованности, за зарплату, а затем, постепенно вовлекаясь в социалистическое строитель-

ство, — не только за жалованье, но и за совесть. Враждебность — нейтральность — дружеское сочувствие — преданное содействие, — вот этапы, проделанные этой частью интеллигенции на своем пути превращения из саботажников в красных, советских специалистов.

Нельзя делать неправильного вывода, что вся интеллигенция, участвующая в нашем строительстве, одинаково относится к прочности советской власти и одинаково верит в успех социалистического строительства. Среди интеллигенции имеются группировки, имеется глубокое расслоение, идущее с каждым днем все дальше и дальше.

Интеллигенция не есть категория внеклассовая, сверхклассовая или надклассовая. Напротив, это есть социальная категория, которая представляет довольно точный поперечный разрез классового расслоения общества. Именно этим и об'ясняется, что интеллигенция поставляет идеологов разным классам. Интеллигентом был Ленин, но интеллигентом был и Милюков, интеллигентом был также Пуришкевич. Интеллигенция не представляет самостоятельной движущей силы, она является лишь отражением основных классовых движущих сил.

Существуют еще до сих пор круги интеллигенции, которые враждебно относятся к советской власти и к ее начинаниям. Эта группа включает в себя, главным образом, представителей верхушечной части интеллигенции, которая была идеологически и материально тесно связана с буржуазией, участвуя в ее прибылях, дивидендах, являясь соучастницей того или иного предприятия. Эта часть интеллигенции, хотя и осталась в СССР и работает у нас, но является собственнической. Это — поклонники частного капитала. Еще в конце 1927 года известный,

со всесоюзным именем, профессор-металлург, в письме, адресованном редакции журнала «Предприятие», писал: «Частная промышленность давала нам удивительные примеры, жизнь выдвигала удивительных людей, творцов денег, творцов дела, деятелей промышленности и организаторов человечества, пример подражания для тысячи людей, с которыми они приходят в соприкосновение. Их влияние на окружающих было еще более благотворно, чем непосредственная польза, ими приносимая».

На ряду с этой группой существует более многочисленная группа средней интеллигенции, которая в общем добросовестно и честно исполняет задания, получаемые ею от советской власти. Они не злорадствуют по поводу наших неудач или ошибок, но эти ошибки и неудачи вызывают у них мысль о том, что строить социализм, пожалуй, нѣвозможно и что раньше или позже придется вернуться к частновладельческому производству. Находясь под влиянием первой группы, они охвачены сомнениями в целесообразности социалистического строительства. Эта группа является элементом шатающимся. Правда, очень многие из этой группы начинают постепенно сознавать преимущества советского строительства. Например, в резолюции последнего всесоюзного с'езда инженеров и техников горняков читаем: «Мы, инженеры и техники горняки, особенно отчетливо представляем себе, какие громадные преимущества дают для дальнейшего развития горного дела социалистический способ ведения народного хозяйства, национализация недр полезных ископаемых, уничтожение частно-капиталистических границ, как на поверхности, так и под землей, плановое построение силовых и электрических централей, рационально проводимое укрепление производственных

единиц, приведшее к созданию ряда мощных горных трестов, обеспечивающих дальнейшее организованное и плановое развитие горной промышленности в строгой согласованности со всеми остальными отраслями промышленности и всем планом народного хозяйства нашей страны в целом».

Наконец, на ряду с этими группировками имеется группа (хотя и немногочисленная) интеллигентов, принимающих участие в советском строительстве с полной верой и воодушевлением.

Этот анализ, в частности, вполне применим к инженерам и техникам.

Следует отметить излишний оптимизм, еще недавно весьма распространенный в нашей, инженерской, среде (после Шахтинского дела этот оптимизм исчез). Существовало довольно распространенное мнение, что инженерно-технические работники представляют массу более или менее единую. Мол, инженеры и техники никогда не были по ту сторону баррикад, не были против Октября. Они лишь не поняли своевременно Октябрьской революции. Но как только прошло 2-3 года существования советской власти, как только рабочий класс овладел управленческим аппаратом, перестал разрушать и начал строить, инженеры и техники, строители по существу, сразу же пришли на помощь и начали строить совместно с советским правительством и под руководством коммунистической партии.

В действительности, правая группировка среди инженерства есть. А в этой правой группировке есть активно-вредительская прослойка, конечно, численно ничтожная. Шахтинский процесс — не последний суд над вредителями. Следует признать эту горькую истину и не затушевывать ее.

Что касается второй группы, то она среди инженерства имеет два резко-выраженных оттенка. Имеются инженеры, и не помышляющие о вредительстве, но исполняющие свои обязанности формально и по-чиновнически. Их основная черта — обывательщина, политическая неграмотность.

Мелкотравчатый антисемитизм, пошлый анекдот, сплетня про местный исполком — вот все, чем характеризуется политическое мировоззрение этой довольно многочисленной группы среднего инженерства.

Политической неграмотности этой группы инженерства часто соответствует ее техническая отсталость. Попробуйте поговорить с таким инженером и спросить у него, почему он не пользуется библиотекой. Он смерит вас уничтожающим взглядом и заявит, что он, слава тебе, господи, 20 лет на фабрике, работал еще у Морозова, а Савва Тимофеевич умел подбирать людей! Очень часто такой инженер почти не читает газет, не интересуется политической жизнью, не ориентируется в самых простых вещах. В свое извинение такой инженер сошлется на недосуг, но дело тут не в досуге, а в индифферентности. Особенно больное место в установившемся укладе жизни и работы этой группы среднего инженерства — оторванность от рабочей массы, переходящая иногда в пренебрежение к ее интересам.

Другая «середняцкая» группа непосредственно примыкает к рядам инженеров, целиком посвятивших себя делу нового строительства.

Эта группа также еще преклоняется перед стажем. И каждый инженер, который может похвастаться двумя десятками лет службы у Коншина или Крестовникова, да еще на большом окладе, сохранил в ее глазах свое обая-

ние. Но в то же время эти работники понимают, что на одном стаже и звании не выедешь. Вот почему они стремятся следить за специальной литературой, пытаются знакомиться с достижениями других предприятий, стараются пополнить свои знания.

Им дорого само дело, и они много энергии и сил отдают ему. Их пугает, правда, ответственность, и потому они стараются соблюдать максимальную осторожность в смысле получения предельного количества виз и резолюций, но они еще не захлестнуты формалистикой.

Эта группа инженерства также политически весьма отстала, но все же она не может довольствоваться игрой в «картишки» и выпивкой. Она не чужда общеполитических интересов. Она уже чувствует рабочую массу, она не глуха к критике рабочих, не считает оскорблением самую мысль о возможности для рабочего сказать о работе инженера что-либо путное. Эта группа — переходная к инженерству передовому, целиком захваченному рабочей общественностью.

Как всякая социальная и политическая переходная группа, она чрезвычайно неустойчива и поддается воздействию со стороны.

К этой «левой» группе среднего инженерства непосредственно примыкает группа инженеров, твердо верящих в успешность социалистического строительства в СССР и отдающих свои силы этому строительству.

Работники этой группы влюблены в свое дело, которому они отдают все свои силы, не могут мириться с атмосферой болота на предприятии, пытаются пробить стену косности и равнодушия.

Эволюция инженерства за последние годы ведет (со все возрастающим ускорением) к усилению последней и предпоследней групп инженерства. В своем выступлении от 16 апреля 1928 года председатель Совнаркома А. И. Рыков сказал: «За истекшие 10 лет после Октябрьского переворота мы сделали в отношении специалистов шаг вперед, а не назад. Громадная часть специалистов, несомненно, теперь гораздо ближе стоит к рабочим и крестьянам, к советской власти, чем это было раньше».

Возникает вопрос, насколько правая ориентация распространена среди инженерства. Отравленную стрелу клеветы, с провокационной целью смешать в одну кучу советское и контр-революционное инженерство, пустил один из обвиняемых по Шахтинскому делу, инженер Элиадзе. На предварительном следствии Элиадзе утверждал: «Весь технический персонал, воспитанный в духе старого времени, за очень малым исключением, одним миром мазан и ненадежен для советского строя. Протестантов по поводу шахтинского дела найдется много, посыплется целое море громких резолюций о порицании отщепенцев и отмежевании от них, но это будет на бумаге, а в душе другое. Я сам, один из первых, подписался под такой резолюцией 14 марта в Тифлисе, а 15 марта очутился уже перед столом следственных властей, как один из вредителей промышленности. Мы пошли работать, но неискренно. Некуда было нам деваться, а потому пошли, держа на всякий случай за пазухой камень».

На суде я, как представитель общественного обвинения, возвращаясь к утверждению Элиадзе о 98 проц. антисоветски настроенного технического персонала, за-

дал ему вопрос: были ли в Донбассе или где-либо в другой части Союза инженеры другого образа мыслей, хотя бы из числа остающихся 2 проц. инженерства, и может ли подсудимый назвать хотя бы кого-нибудь инакомыслящего?

— Я не знаю, — отвечает подсудимый.

— Стало быть, все разделяли вашу точку зрения, все носили «камень за пазухой»?

— Откровенно говоря, я не могу указать таких, кто не носил бы камень за пазухой, хотя и не могу указать таких, кто этот камень носил.

Я долго бился с подсудимым над разрешением этой загадки, но безрезультатно. Далее, наша беседа на суде продолжалась так:

— Вы в 1923 г. приехали в Москву на курсы по повышению квалификации и слушали лекции московских инженеров. Эти инженеры тоже были настроены антисоветски?

— Таково было мое мнение.

— Как же вы, попав из Шахтинского района в одинаковую среду, могли заметить какие-то достижения, кто вам мог на них указать и под влиянием чего переменилась ваша идеология?

Молчание.

— Вы обменивались с кем-нибудь из представителей столичного инженерства мнениями по политическим вопросам? — допытываюсь я.

— Конечно, — отвечает Элиадзе, — под влиянием этих политических разговоров у меня и произошел перелом.

— Значит, ваше первоначальное утверждение об антисоветских настроениях московского технического персонала неверно?

— Нет, — настаивает Элиадзе, — большинство было антисоветское.

— Выходит, что вы подпали под влияние меньшинства. Как же это случилось?

Подсудимый молчит.

— Не являлась ли инженерно-техническая секция в то время тем каналом, по которому вредители находили путь к производству?

— Я этого не могу сказать, — отвечает Элиадзе.

Оговор Элиадзе должен быть отвергнут. На скамье подсудимых по обвинению во вредительстве сидела не техническая интеллигенция, не советский инженер вообще, а группа отщепенцев и продажных вредителей, от которых с презрением и негодованием отвернулась и предательские деяния которых заклеймила вся масса инженерно-технических сил, работающая над поднятием и развитием советского хозяйства.

Шахтинское дело показало воочию, что среди правой группировки инженерства могут найтись (и находятся) активисты, претворяющие в действие мысли и намерения их пассивных единомышленников. Эти активисты уже не ограничиваются контр-революционными разговорами, рассказыванием антисемитских и антисоветских анекдотов.

Фактором, способствовавшим превращению потенциальной контр-революционной энергии шахтинцев в кинетическую вредительскую энергию, явился международный капитал.

Международный капитал, вложивший в русскую промышленность при царизме 1½ миллиарда золотых рублей, пустил прочные корни в Донецком бассейне. По данным В. С. Зива (см. его книгу «Иностранные капиталы

в русской горнозаводской промышленности»), в 1912 г. из общей добычи угля в 806 млн. пуд. свыше 95%, или 769 млн. пуд., приходилось на долю тех 25 акционерных обществ, которые существовали почти исключительно на иностранный, на франко-бельгийский капитал. Русские короли угля были вассалами парижской биржи.

Международная буржуазия, экспортируя свои капиталы в царскую империю, была привлечена высокой нормой прибыли, существовавшей в России, сравнительно с Зап. Европой. Рассматривая Россию, как колонию, или, в лучшем случае, как полуколонию, международный капитал применял в Донбассе варварские способы извлечения прибавочной стоимости (при содействии царской полиции, казаков, войск).

Октябрьская революция, национализировав промышленность, нанесла международному капиталу весьма ощутительный удар. Но мировая база иностранного капитала осталась нетронутой. Сила сопротивления международного капитала была увеличена поражением, нанесенным ему в Октябре. Международный капитал не мог примириться с мыслью, что полутора-миллиардное вложение превратилось в нуль, что свидетельства на доход (акции и облигации) превратились в мусор, что Россия перестала быть для них источником извлечения весьма значительной прибавочной стоимости. Он мобилизовал свои силы, сорганизовал сначала военную интервенцию, затем после ее неудачного исхода пытался сорганизовать интервенцию экономическую (борьба за советскую нефть и пр.).

Отнюдь не случайностью является то, что ареной деятельности вредителей явился Донбасс, Украина, юг, а не север. На севере международный капитал был слаб,—

здесь орудовал капитал «отечественный». Последний же, потерпев в Октябре сокрушительный удар и не имея опорной базы вне России, оказался неспособным к сопротивлению. В Шахтинском деле отечественный капитализм является в виде парамоновщины, а удельный вес ее, сравнительно с Дворжанчиком, ничтожен.

Крупный углепромышленник, Н. Е. Парамонов, это — применяя меткое выражение Горького — «мещанин, бывший гражданином полчаса» (см. пьесу «Мещане»). Он начал свою политическую деятельность в 1902—1906 гг. социал-демократом, а кончил союзом с генералом Богаевским, Сидориным, поркой и расстрелом рабочих. Он начал демократической газетой, дешевой «парамоновской» библиотекой, журналом «Былое», а кончил неприкрытым черносотенством.

Его либерализм выдохся уже в 1907 году, когда, по требованию отца, он вступил в управление только-что приобретенного первого парамоновского рудника, купленного Елпидифором Парамоновым для того, чтобы отвлечь сына от «крамолы».

Росли и множились парамоновские угольные предприятия. В 1913 г. они оценивались в 14 миллионов фунтов стерлингов (140 миллионов рублей).

В годы империалистической войны Николай Парамонов работал «на оборону». Царское правительство «простило» Парамонову его молодой либерализм, его издательскую деятельность и отменило годами лежавший приказ о высылке на поселение.

В 1919 г. Парамонов субсидирует казачьи карательные отряды на север, к Миллерово, к Воронежу, но лента фронта приближалась к Ростову. Отдав последние распоряжения Березовским и Калгановым, Парамонов эмигрировал за границу.

Роль международного капитала в Шахтинском деле приходится особенно подчеркнуть. Во все время вредительской деятельности взоры шахтинцев были упорно устремлены на запад, с запада, казалось им, грядет и придет «освобождение» от советской власти и восстановление священной собственности, вообще, и на недра земли, в частности.

Заимствуем из приговора Специального присутствия Верховного суда СССР по Шахтинскому делу описание взаимоотношений между заграничными капиталистическими об'единениями и вредителями:

«Бежавшие за границу после окончательного разгрома белых армий собственники и акционеры, все еще не терявшие надежды на возвращение им национализированных советской властью предприятий, продолжавшие рассматривать себя в качестве настоящих хозяев, лишь временно утративших свое право собственности на отобранные у них предприятия, вступили с частью высшего административно - технического персонала рудников в связь, давая им различного рода хозяйственные указания, получая от них интересующие их сведения о состоянии оборудования, планах эксплоатации и т. п. этих предприятий и осуществляя, таким образом, попытки фактического руководства ими.

К числу таких собственников принадлежал и ряд представителей иностранного капитала, владевшего до Октябрьской революции рудниками в Донбассе.

Бывшие капиталисты, собственники угольных предприятий, и акционеры действовали не в порядке индивидуальной инициативы, а в качестве членов действовавших за границей обществ, например, «Об'единение быв. горнопромышленников юга России», «О-во креди-

торов быв. царской России», «Польское об'единение б. директоров и владельцев горнопромышленных предприятий в Донбассе» и др.

Особенную роль в этом отношении играли «Об'единение б. горнопромышленников юга России» (во главе которого стояли б. министр торговли и промышленности белого правительства Донского круга — Фенин, а также Прядкин, Соколов, Штединг и др. быв. владельцы и капиталисты) и «Польское об'единение», во главе с Дворжанчиком.

Роль об'единения б. горнопромышленников юга России оказывалась тем более серьезной, что под этим именем действовал осколок разбитого Октябрьской революцией совета с'ездов, представлявший собой центр, руководивший из Парижа сложившейся уже в 1923/24 г. в Донбассе контр-революционной вредительской организацией.

В задачи парижского центра входило не только получение из СССР различного рода сведений о работе и состоянии рудников Донецкого бассейна, но и руководство конкретной вредительской работой при производстве добычи, при прохождении проектов нового строительства, при осуществлении импортных операций, связанных с переоборудованием и механизацией рудников и отдельных шахт, при осуществлении на предприятиях рационализации и т. д.

Особенное усиление деятельности парижского центра относится к 1926/27 г., когда его деятельность оказалась увязанной с деятельностью и интересами некоторых специальных учреждений некоторых иностранных государств.

На совещании парижского центра и шахтинцев, состоявшемся осенью 1926 г., были поставлены вопросы о борьбе с советским государством, о необходимости доби-

ваться разрыва отношений между СССР и Францией, о подготовке войны и интервенции. Влияние парижского центра на деятельность вредительской организации в Донбассе, как это установлено судебным следствием, существенно подкреплялось значительными денежными ассигнованиями, систематически передававшимися в распоряжение этой организации из-за границы.

Аналогична была и роль «Польского об'единения», руководимого Дворжанчиком. Связь этого «об'единения» с контр-революционной вредительской организацией в Донбассе завязалась еще в 1923 г. и с этого времени методически осуществлялась при помощи и участии не только отдельных служащих нашей угольной промышленности, но и лиц, состоящих на службе в некоторых иностранных учреждениях (как в СССР, так и за границей)».

Попытаемся выяснить, чем об'ясняется воздействие заграничных центров на шахтинских инженеров и техников. Ведь, заграничные директивы Дворжанчика исполнялись весьма ретиво. Ведь, затопление шахты № 14 на Берестовско-Богодуховских рудниках явилось результатом соответствующей директивы бывш. директоров акц. о-ва, которому раньше принадлежал рудник. Не менее точно была выполнена и позднейшая (1922 г.) директива тех же директоров — не откачивать затопленную шахту.

Шахтинские вредители — наемники капитала, его практические работники, не являются идеологами буржуазных политических партий, людьми с определенными и твердыми буржуазными убеждениями. Матов неоднократно заявлял на суде: «я не идеолог». За небольшим исключением (Калнин, Васильев) они и в прежние годы не входили в политические партии (Братановский «сочувствовал левым кадетам»).

Из всех подсудимых один лишь Горлецкий выступил на суде с изложением (весьма сбивчивым) своих политических убеждений.

— Итак, в 1919 г. вы призывали, вместе с другими промышленниками, белого атамана восстановить единую неделимую и т. д. А каковы ваши взгляды в 1928 г.? — задал вопрос Горлецкому прокурор.

— Я считаю, — заявляет инж. Горлецкий, — что теперь как раз и существует единая, неделимая, но только под другим названием (!).

Горлецкий, как бы пытаясь смягчить впечатление, об'ясняет, что он понимает под своими словами только то, что «Дон не идет против Украины, Кубань — против Дона» и т. д. Отдельные национальности теперь, по мнению Горлецкого, имеют свои «естественные права». Но все вместе составляют единый неделимый союз республик. Вот, стало быть, и есть «единая». По его мнению, именно в таком роде и представляла себе вся интеллигенция развитие революции. Горлецкий считает, что о монархии уже с 1916 г. никто не думал. Он считает, что даже и большинство горнопромышленников не думало о монархии. Все желали демократической республики, или по крайней мере ее желало «большинство интеллигенции».

А как он сам относился к рабочей власти? Горлецкий отвечает, что в то время он относился к этой власти «несочувственно». Как об'ясняет он себе Октябрьский переворот?

Горлецкий не желает углубляться в развитие своих взглядов и отвечает, что он «не государственный человек», но думает, что во всяком случае в то время никаких сильных людей не было, не было даже людей, которые могли бы «примирить противоположные интересы».

Горлецкий считает, что и это можно было сделать довольно просто: надо было оставить право собственности, но ограничить его. На повторные вопросы Горлецкий заявляет, что это надо было сделать и в отношении земли (оставить собственность на землю для крестьян и для помещиков, но ограничить ее известным пределом), и в отношении промышленности, но, конечно, «с ограждением рабочих от эксплоатации». «Вот и не было бы гражданской войны».

— При жизни В. И. Ленина, — заявляет далее подсудимый, — эволюция направилась именно в эту сторону: восстановление собственности в ограниченных пределах, разрешение свободной торговли и т. д.

— Ну, а дальше что, по-вашему, могло бы быть?

Горлецкий отвечает, что такова была эволюция, что именно на углубление этой эволюции «надеялась вся интеллигенция», а что дальше — он сказать не может. Во всяком случае, он считает, что в результате чаянной эволюции «такой строй был бы лучшим, чем казенное хозяйство» (!).

Стало быть, нужна была бы соответственная эволюция и по политической линии?

Горлецкий отвечает на это утвердительно. Он думает, что соответственно с этим хорошо было бы иметь «права для всех, парламентскую демократическую республику» и т. д.

Чтобы окончательно обрисовать свои убеждения, Горлецкий заявляет, что не считает социалистический строй «совершенным», и находит, что он является «утопией», и что предварительно «люди должны измениться».

Шахтинские вредители были, в прошлом, долголетними приказчиками капитала, «обер-офицерами частной

углепромышленности» (выражение подсудимого Калганова), и в силу близости к хозяевам усвоили веру в возможность капиталистической реставрации, и неверие в творческие силы пролетариата.

«Я верил в незыблемость капиталистического строя, я не допускал возможности другого общественного строя», — так говорили на суде инженеры, получившие высшее техническое образование, и простые горные техники. Нет бога, кроме капитала, и Парамонов пророк его, — вот несложный символ веры инженера Калганова.

Инж. Калганов на предварительном следствии говорил, что «Октябрьская революция лишила ту категорию работников, к которой он принадлежал, особых привилегий, хорошего общественного положения, хороших заработков и проч. Техническая интеллигенция, по сравнению с другими группами интеллигенции, была гораздо ближе к промышленному капиталу по своему положению, и эта интеллигенция, даже не имея собственных капиталов, всем своим существом тянулась к капитализму».

«Именно через нас капитал осуществлял эксплоатацию, а это, в свою очередь, порождало известную идеологию, которая резко отделяла нас от рабочих, противопоставляла нас им» (Калганов).

Инж. Матов показывал: «Новые отношения, условия жизни и работы при советском строе были не только непривычны, но и противоречили всему привычному и, как следствие этого, вызывали отрицательное к себе отношение, и не было веры в возможность развития сил страны в условиях советского строя».

Инж. Березовский в разговоре с инж. Кузьмой утверждал, что не может быть речи об устойчивости промышленности в СССР, когда иностранный капитал со всех

сторон давит на нашу страну. Капиталисты никак не могут примириться с захватом промышленности. Они ждут только подходящего момента для восстановления своих прав. Задача техников — своими действиями приблизить наступление этого момента.

Инж. Сущевский: «С одной стороны, в то время советской промышленности приходилось преодолевать неимоверные трудности, неизвестно было, как советская власть справится с восстановлением промышленности, а, с другой стороны, «там» что-то зашевелилось, не знаешь, чем все это закончится. А тут еще сознание, что мои сослуживцы, участники этого соглашения, исключат меня из своего круга и затрут по службе, если я останусь в стороне от них. С советской общественностью я вовсе не был связан. Если бы я не пошел на предательство, то я оказался бы совершенно изолированным». Далее Сущевский поясняет: «за 1920 и 1921 годы настроение мое было весьма подавленным. Я чувствовал себя выбитым из колеи. Раньше мы, инженеры, принадлежали к господствующему классу, были, так сказать, начальники, а здесь я попал в другие условия. Со мной, правда, считались, мне не мешали работать, не вмешивались в мои распоряжения».

Какая причудливая смесь антисоветских настроений и откровенного шкурничества: там, за границей, что-то зашевелилось, а в то же время — «меня затрут по службе, если я останусь в стороне от вредителей».

В показаниях других обвиняемых шкурнические ноты, денежная заинтересованность звучат громче и резче.

Подсудимый инж. Ржепецкий так об'ясняет свое участие во вредительстве: «Хотел получить хорошее место на концессии. Материальный вопрос».

Братановский вступил в организацию в 1923 г. — «не было денег, приходилось продавать платье».

Этот же мотив у Березовского. Березовский позавидовал Шадлуну, узнав из разговора с ним (1922 г.), что Шадлун получает деньги от прежних хозяев. А у него, Березовского, — «только один паек».

На предварительном следствии некоторые обвиняемые пытались так «обосновать» свою вредительскую позицию: «Мы, мол, не верили в силы пролетариата, в его способность создавать и творить». Этот мотив имел место на предварительном следствии. На судебном следствии они должны были один за другим склонить свои преступные головы перед советской системой хозяйства и заявить, что за последнее время все они видели возрастающий темп развития нашего хозяйства.

Денежный интерес, получение реальных денег, «которые не пахнут», имело большое значение, но не для всех звеньев вредительской цепи одинаковое. Для московского центра, например, для бывш. председателя Донецко-Грушевского акц. о-ва Л. Г. Рабиновича, естественно, интерес к возврату его бывш. собственности должен был преобладать. Если итти от центра к периферии (Москва—Харьков — рудники), то перед нами возрастающая прогрессия шкурничества, материальной заинтересованности. Братановский — харьковский работник — на суде на вопрос о мотивах своего вредительства сказал:—«Тут действовала и идеология, и материальные соображения». Для рудничных работников систематические денежные

посылки со стороны прежних владельцев имели решающее значение.

По словам Матова, деньги из-за границы поступали к вредителям в течение 3 лет (1924 — 27 гг.). Считая 50 человек, состоявших в организации, по 400 рублей в месяц, получаем расход 400 × 50 × 12 × 3 = около 700.000 рублей. Матов допускает, что некоторые участники организации оставляли деньги на текущих счетах за границей.

Окупились ли для международного капитала эти затраты? В смысле вреда СССР — окупились с лихвой! Но размеры вредительства вообще учету не поддаются. Ответить на этот вопрос ни один из подсудимых не мог или не решился. Вредительство притом же велось с перспективой, с расчетом получить результат через несколько лет.

Цинизм вредителей был настолько велик, что, получая, в сущности, двойное жалованье: и от советской власти, и от бывших хозяев, они находили возможным шутить по этому поводу: дескать, двойное финансирование.

Подсудимый, инж. Сущевский, сообщил на суде про свой разговор с обвиняемым, инж. Владимирским, при случайной встрече. Заговорили о Дворжанчике, главном заграничном руководителе шахтинцев, и стали смеяться над тем, что Дворжанчик-де учитывает повышение инженеров по службе, и вот теперь, в виду перевода Владимирского в Москву, соответственно повышает ему содержание, сразу повышение по двум линиям.

Иногда получалось даже тройное финансирование шахтинцев. Видный член вредительской организации, инж. Кржижановский, несмотря на то, что имел

всего лишь трехгодичную производственную практику, был назначен, разумеется, при активном содействии вредительской организации, консультантом при американских фирмах, работавших в правлении Донугля по проектированию новых шахт, и должен был давать заключения по весьма сложным проектам, которые разрабатывались скорее применительно к американским условиям, чем к условиям Донбасса. Там работали представители фирм Стюарт, Аллен и Гарсиа; некоторые из этих американских работников были совершенно непригодны. Так, Гарсиа-сын оказался студентом и был пригоден лишь для работы на пишущей машинке. По договору, заключенному на 3 года, фирма Стюарт, например, получала 150 тыс. долл. в год и сверх того за исполнение определенных проектов 350 тыс. долл. От фирмы работали 5 человек, каждый из которых получал, в среднем, 214 руб. в день (!). Несмотря на это колоссальное вознаграждение, постановка работы этих фирм была нерациональной, а выполненные ими проекты новых шахт не получили до сих пор реального осуществления. Кржижановский получал от фирмы Стюарт по 300 руб. в месяц за то, чтобы он молчал, был «своим человеком». Поэтому нет ничего удивительного в том, что он вел переговоры с этой фирмой о заключении ею новых договоров с Югосталью, Москвоуглем и другими госорганами.

Таким образом, инж. Кржижановский имел тройной оклад: от Донугля, от прежних хозяев и от американской фирмы Стюарт. Поистине, генеалогия шахтинцев идет от ташкентцев Щедрина и инженеров-бессребренников Лескова.

Деньги, хотя и полученные за преступление, любят счет. Ответственные вредители не тратили зря денег своих бывших хозяев, давали деньги только за «работу».

— В 1923 г., когда в первый раз выдавались деньги,— показывал Сущевский, — Стояновский ничего не получил, ибо он был новым человеком на рудниках и было опасно ему доверять. Вскоре ушел с рудников один из получавших деньги, и освободилась некоторая сумма. К этому времени я увидел, что Стояновский человек солидный, которому можно доверять, и Стояновский стал получать освободившиеся суммы, — это относилось к 1925 г.

В 1926 г. тому же Сущевскому пришлось в Донугле распределять деньги, привезенные из-за границы Казариновым.

— Если бы меня при этом не было, — рассказывает Сущевский, — то Щербиновка на этот раз ничего не получила бы. Бахтиаров, увидя меня, так как я случайно присутствовал, сказал: «Надо дать щербиновцам, они давно не получали, хотя давать им не за что, — они ни черта там не делают». Дали 1.000 руб

Вредители не стеснялись воровать друг у друга деньги, получаемые от прежних хозяев за вредительство (по пословице: «вор у вора дубинку украл»).

— В декабре 1919 г., — показывал Шадлун в своем письменном показании, — перед моим от'ездом в Ростов я на основании распоряжения Ремо (бывш. директора акц. о-ва) дал приказ инженеру Некрасову затопить шахту № 14. Шадлун получил 1.000 рублей золотом для передачи Некрасову «за неоткачку шахты»; однако, Шадлун счел за благо 400 руб. удержать для себя и отдал Некрасову только 600 руб.

Другая черта шахтинцев — хищничество, рвачество, взяточничество, ничем не брезгующее. Кузьма, «математический ум», не брезговал ни кражей у рудоуправления платиновых тиглей (в соучастии с Ив. Некрасовым), ни

спекуляцией вагонами соды, ни составлением подложных счетов на материалы. Ал. Некрасов продал в свою пользу парамоновских лошадей.

Подсудимый инж. Ив. Некрасов спокойно рассказывал о той системе взяточничества, какая при нем пышно расцвела на Щегловском руднике. «Дань» ему платили и артельщики, и агенты, и транспортный инженер за предоставление заказов и дачу работы. Не брезговал Некрасов и составлением подложных ведомостей и ордеров.

Сначала на путь взяточничества толкнули тяжелые материальные обстоятельства.

— Впоследствии я не нуждался, но уже был втянут во взятки. П р и в ы к! — немного подумав, уточняет свою мысль Некрасов.

Вредители обложили данью и иностранцев, поставлявших машины в Донбасс. Разумеется, иностранцы платили деньги не зря, — им за это был гарантирован прием машин, хотя бы и весьма скверного качества.

Инж. Казаринов показывает о своих переговорах с немецкими фирмами относительно взяток: «Я требовал от фирмы Эйкгоф 13.500 марок, от Вольф — 6.000 марок, от Вейзе — 4.000 марок и от Демар — 10.000 марок». Но немцы стали торговаться. Только фирма Эйкгоф согласилась уплатить, но не 13.500 марок, а 8.000 марок. Экономный Вольф рассуждал практически: он соглашался платить взяточнический процент только с новых заказов, а не с уже совершенных сделок. После получения заказа на 15.000 ламп, Вольф, действительно, внес 7.000 марок на текущий счет вредителя Башкина. При переговорах Башкина с Блейманом, директором германской фирмы АЕГ, последний согласился облагать свои будущие продажи Донуглю 1 — ½% в пользу вредителей.

Шахтинцы ненавидят советскую власть, активно поддерживают белых, они патриоты, сторонники «единой и неделимой России». Но это не мешает им мошенничать и по отношению к белым, лишь бы это сулило денежную выгоду. Андрей Колодуб в 1918 г. приобрел шахту за 10.000 руб. Она была скрыта от учета; шахта была нужна Колодубу для того, чтобы числиться углепромышленником, — в случае перемены власти и прихода белых Колодуб имел бы возможность пред'явить «единой и неделимой России» претензии за якобы понесенные им при советской власти убытки.

Шахтинцы, как и все правое инженерство, отличались политической безграмотностью. «При нашей абсолютной политической безграмотности», — говорил на суде Матов. Они отождествляют советское социалистическое хозяйство с царскими казенными заводами.

Бывший главн. инж. Кадиевского рудника, Соколов:

— Мне стыдно об этом говорить, но я был политически совершенно неграмотным. Я чувствовал себя членом господствующего класса и считал, что все рабочие — низшие существа.

Их не интересует литература, политика, даже техника, ее новейшие достижения, ее успехи. Циничский смешок, гнилой пессимизм, — вот как встречают они все начинания советской власти.

В своем быту шахтинцы — черносотенные обыватели. Собираются на вечеринки, играют в карты, пьют, поют «Боже, царя храни», беззубо злятся по адресу советской власти. Да и в свободное от службы время, собираясь в маркшейдерском бюро, занимаются тем же, минус выпивка.

Обвиняемый Самойлов признает, что инженерство было настроено антисоветски, что свежий антисоветский анекдот считался в этой среде хорошим тоном, что на

вечеринках пили за монархию. Эти настроения выразил однажды в разговоре с Самойловым подсудимый Бояршинов одной фразой:

— Войска донского не поддержали, вот и приходится есть горький советский хлеб...

С точки зрения шкурника-обывателя шахтинцы считали, что они поступают весьма «практично»: 1) если явятся бывшие владельцы, вместе ли с новыми интервентами, или хотя бы в качестве концессионеров, — ревностные их приказчики не будут забыты; 2) если прежние хозяева убедятся в неосуществимости своих замыслов («Дурак Дворжанчик зря платит деньги», говорил один из обвиняемых) и прекратят финансирование вредителей, — то шахтинцы прекратят акты вредительства; 3) длительность существования вредительской организации (5 — 6 лет) вселяла уверенность в безнаказанности. Но шахтинцы просчитались!

Шкурничество и трусость шахтинцев обнаружились и на суде. Ни малейшей стойкости, ни малейшей принципиальности подсудимые не обнаружили. Некоторые обвиняемые обнаружили стремление выгородить себя, хотя бы и прибегая к заведомо негодным, наивным доказательствам, к ссылкам на свое, якобы, революционное прошлое (Ржепецкий, Васильев, Калнин).

На процессе все обвиняемые разделились на 3 группы: 1) признавшиеся в своих преступлениях; 2) признающиеся в актах вредительства, но с оговорками и 3) категорически отрицавшие свою вину.

Позиция обвиняемых отразилась и на позиции защиты. В этом процессе защита была «несолидарна». Каждый защитник отстаивал интересы своего подзащитного, не интересуясь судьбой других подсудимых.

Весьма фальшиво звучали на суде в устах вредителей восхваления достижений совласти, подыгрывание под советский тон, из-за желания смягчить свою участь.

«Наш рабочий Луценко предложил свое изобретение, русский скрепер, — давший прекрасные результаты, вытаскивает он до 5 — 6 тыс. пудов. До войны, — продолжал обв. Калганов, — на Петропавловке был вентилятор в 500 кубов, а сейчас нет ни одной шахты, где был бы вентилятор менее 1.700 кубов».

«Раньше шахтер вылезал из шахты грязный, одни зубы блестят, а теперь попадает в баню с душем».

Впадали некоторые шахтинцы даже в покаянный тон. Один из главнейших обвиняемых, инж. Братановский, заявил:

— Единственным утешением мне служит то обстоятельство, что большого вреда наша деятельность не дала, на здоровом организме Донбасса организация оставила не такой большой след, как хотела.

Хотелось верить этому позднему раскаянию! Но факты вредительства не смываются слезами раскаяния.

Еще более фальшиво звучали уверения некоторых подсудимых, что при советской власти им живется гораздо лучше, а потому и они сочувствуют ей.

Один из главнейших обвиняемых, Будный, по отношению к которому суд применил высшую меру социальной защиты — расстрел, с пафосом вопрошал на суде:

— Почему я не могу сочувствовать красным? При советской власти я чувствую себя гораздо лучше, чем...

Но тут даже Будный сконфузился и замолчал. Уж слишком било по глазам противоречие между его словами и грозившей ему участью.

Подсудимые старались поставить себе в заслугу, что они работали для Донбасса, что они восстанавливали шахты, подымали производительность. Попробовали бы они работать так, чтобы Донбасс и совсем не восстанавливался! Вряд ли они дотянули бы свою биографию до нынешнего дня.

За 40 дней суда со скамей подсудимых не раздалось ни одного мужественного слова, ни одной попытки оправдать свою веру в капитализм. Шахтинцы умели воровать, но не сумели ответ держать. Ни у одного из них нет своей правды, за которую стоило бы страдать. Во имя чего было подсудимым упорствовать, во имя какой веры стоять за свою организацию?

«Герои» капитализма оказались жалкими, опустошенными, ничтожными людьми. На суде они отпираются, отрекаются от своей убогой веры, предают друг друга, предают свою веру и проклинают капитализм. Они уверяют даже, что в последнее время у них произошел внутренний перелом, они переродились, якобы, под влиянием успехов советской власти, роста промышленности и пр. (показания Башкина, Элиадзе и др.). Повествуя о «переломе», они иногда впадают в шарж, вызывают невольный смех у присутствующих. Так, по словам Элиадзе, причиной его «перелома» явилось возобновление деятельности московского трамвая, каковое Элиадзе самолично наблюдал в бытность свою в 1922 г. в Москве. Других «переломили» Волховстрой, спецставка, наконец, арест.

Но среди этих показаний о переломах есть одно, заставляющее задуматься, — это показание Матова. Матов не говорил о переломе, в точном смысле этого слова. Матов говорил не столько о «перерождении», сколько о вырожде-

нии. Это видно из показаний Матова о последнем годе существования вредительской организации, о 1927 годе.

Казалось бы, все обстоит «блестяще» во вредительской организации к началу этого года. Захвачены командные высоты в Донугле, в Харькове; на местах из 27 рудоуправлений 11 входят в сферу деятельности вредителей. Образовался московский центр, который протягивает нити и к другим отраслям промышленности. Есть и деньги — плата за преступление. Вернувшись из Парижа, Матов привез с собой полмиллиона франков.

Казалось бы, «вредить да радоваться». И, однако, какая-то червоточина появилась во вредительской организации, и в первую очередь — у ее организатора, у самого Матова.

Матов, после своей поездки в Париж, остался недоволен бывшими хозяевами. Они очень «отстали», хотя бы в области промышленно-технической; они совершенно не понимали того, что делается сейчас в Донбассе, в области промышленно-технического строительства. Они не подозревали, например, какое значение имеет электрификация рудников, проводящаяся в Донбассе.

Матов, в связи с этим фактом взаимного непонимания между ним и его хозяевами, почувствовал, что изменилось его мировоззрение.

Уже со второй половины 1925 г. наметился об'ективный процесс роста советской промышленности и, в частности, промышленности Донбасса. «Первое время могло казаться, — говорит Матов, — что это временное явление. Но в середине 1927 года всякому стало ясно, что это не случай». «Как мы ни грамотны политически, — говорит Матов, — все же мы не могли от себя скрыть этого могучего стихийного роста советского хозяйства во всех отраслях. Повсюду мы наблюдали рост благополучия

страны, и вдобавок мы видели, что это благополучие увеличивается не за счет угнетения и нищеты масс, как это происходит в других странах, а параллельно с ростом благополучия самих масс. Мы увидели и 7-часовой рабочий день, и развитие жилищного строительства, все это в конце-концов не могло не влиять на общую систему наших взглядов».

— В середине 1927 года, — говорит Матов, — стало ясно, что вредительская деятельность бесцельна и нецелесообразна, что наши преступления не давали результатов. И если вредительская деятельность продолжалась, то лишь по инерции.

Говорилось ли это Матовым искренне или же в целях смягчения вины — кто разгадает!

В связи с «вырождением» вредительства, на суде обнаружилась еще одна характерная черта.

Матов сообщил на суде, что в 1927 году в своих донесениях в Париж организация не только преувеличила фактически совершавшиеся ею акты вредительства, но и приписывала себе ответственность за все те недочеты и неполадки, каковые возникли, совершенно естественно, на производстве и имели бы место и без вредителей. В какой-то части своих донесений вредительская организация обманывала своих хозяев.

— Но если так, — спрашивает председательствующий, — тогда то, что вы делали по отношению к своим старым хозяевам, придется назвать шантажом.

Любовь к формулировкам, осторожным и точным, побуждает Матова ответить:

— Да, в известной части.

В своем стремлении выгородить себя во что бы то ни стало, некоторые подсудимые не жалели красок для описания своих недавних соратников по вредительству.

Подсудимый, инж. Чинокал, на суде все время пытался отгораживаться от своих товарищей, с которыми ему пришлось работать, начиная с 1922 г., и которые попали вместе с ним на скамью подсудимых. Бояршинов, по его мнению, был ярым саботажником. В работе Горлецкого он все время видел «странную неосторожность», Казаринов — «подозрителен», Плоткин — был явным вредителем.

— А вы какое положение занимали среди этих лиц,— спрашивает тов. Рогинский, — среди лиц, из которых один саботажник, другой — «неосторожен», третий — «подозрителен», а четвертый — явный вредитель?

— Я делал свое дело.

Такую же позицию пытался занять на суде бывш. технический директор Донугля, инж. Бояршинов. По его словам, он к вредительству совершенно не был причастен, хотя и знал о существовании в правлении Донугля вредительской организации и знал, кто именно в нее входит («Я думал с этой организацией справиться»).

— Что же, среди всех этих вредителей был один святой — Бояршинов? — спрашивает прокурор.

— Да, святой Бояршинов, — отвечает подсудимый.

2. Социальное происхождение вредителей.

Скамья подсудимых об'единила 53 обвиняемых. Но как они не однородны по своему социальному составу, происхождению, образованию!

Первая группа (очень немногочисленная) инженеры-капиталисты, инженеры-предприниматели — Рабинович, бывш. председатель Донецко-Грушевского акц. о-ва, Горлецкий — его многолетний соратник и по этому о-ву, и по Бугураевскому акц. о-ву.

Рабинович в царское время развивал, по его собственным показаниям, кипучую деятельность: основывал предприятия, продавал их, основывал новые, богател, разорялся, опять богател. Он уверяет, что им руководила не страсть к наживе, а страсть к промышленному творчеству. Служба его не удовлетворяла — ему хотелось и создавать.

На суде Рабинович пытался всячески отгородиться от крупных, «настоящих» капиталистов. Он жалуется.

Развивая энергичную работу, ему, промышленнику, приходилось прибегать к услугам банковского капитала. И вот здесь Рабинович получал на своих предприятиях только «обычные 10% дохода с миллионов», а банки забирали львиную долю от трудов Рабиновича.

Рабинович был либеральным промышленником. Он состоял членом 2-й Гос. думы от кадетской партии, был в 1905 г. председателем Харьковского Союза союзов, был арестован. Ему назначили административную ссылку в Архангельскую губ., замененную, впрочем, по ходатайству влиятельных друзей Рабиновича, выездом за границу. Рабинович променял Архангельскую губ. на Париж, да и оттуда он скоро вернулся.

— Я же не мог переменить капиталистический строй,— говорит он, — а итти в революционные деятели не было смысла, так как в Туруханском крае было меньше возможности использовать свои силы, чем на живой работе.

Вот почему он и «подчинялся» воле капиталистов.

Рабинович, в свое время, был либералом и в рабочем вопросе. По его словам, его возмущало то, что рабочие получали «жалование» большей частью только натурой, а маленькая денежная плата выдавалась рабочим не чаще, чем 3—4 раза в год. Он был членом общества посо-

бий горнорабочим и, несмотря на сопротивление других хозяев-горнопромышленников, провел в свое время какой-то устав через высокие царские инстанции, при чем этот устав, по словам Рабиновича, является чуть ли не прообразом социального страхования.

Все это не мешало Рабиновичу быть весьма активным деятелем совета с'ездов горнопромышленников юга России.

— Но должны же были вы, как почетный член Совета с'ездов проводить его программу?

Рабинович сознается, что программа Совета с'ездов отнюдь не была в интересах рабочего класса.

При советской власти Рабинович сначала служил инженером при детских колониях в Детском селе, в 1920 г. попал в Главуголь, в 1923 г.—в Госплан, а в 1925 г. оказался в Техническом совете Донугля.

На суде Рабинович ссылался на свое либеральное прошлое, думая смягчить этим выдвинутые против него обвинения в участии в Шахтинском деле. Он не замечал, что эти показания обращаются против него. Да, в 1904—07 гг. Рабинович был либеральным промышленником. Но в те же годы таким же либералом был и Н. Е. Парамонов, ставший после Октября явным черносотенцем. Разве логика событий, пролетарская революция не ставила сотни и сотни либералов и демократов по другую сторону баррикад? Революция — «вихрь, отбрасывающий назад всех, ему сопротивляющихся», а разве у Рабиновича, бывш. собственника, бывш. шахтовладельца, не было стимулов сопротивляться пролетарской революции? Фактический судебный материал доказал, что у Рабиновича эти стимулы были.

Суд признал, что Рабинович, бывш. председатель Технического совета Донугля, «не осуществляя вредитель-

ства в своей личной деятельности в качестве председателя Технического совета, тем не менее оказывал членам вредительской организации свое содействие в отношении установления и осуществления связей с различными учреждениями».

Следующая группа обвиняемых—бывш. шахтовладельцы (Емельян Колодуб, Самойлов и пр.). Собственники по существу, мещане по своим взглядам, они не могли понять Октябрьскую революцию, все время ждали возвращения старого порядка и при первой же возможности стали активно помогать прежним хозяевам, ныне живущим за границей.

Емельян Колодуб имеет за собой 40 лет работы на рудниках. В 1917 г. акционеры уволили его на покой и назначили ему пенсию в 250 р. в месяц. До этого Колодуб управлял крупными рудниками и на суде с гордостью говорил об этом.

Колодуб пришел в Донбасс, когда там была пустынная степь. Через 30—35 лет после того, как он пришел в Донбасс в лаптях, он—обладатель стотысячного капитала, председатель одного из углепромышленных предприятий, уважаемое лицо в «обществе», попечитель учебного заведения, даже автор брошюр о поднятии производительности труда в Донбассе (разумеется, мерами самой жестокой эксплоатации: до 1905 г. Колодуб выколачивал прибавочную стоимость из своих рабочих буквально палкой).

По словам обвинямого Березовского, «сам» Л. Г. Рабинович ценил в Емельяне Колодубе хорошего хозяйственника.

На суде Емельян Колодуб держался с большим апломбом, гордясь своим многолетним опытом горняка-само-

учки. На суде горные инженеры-эксперты пришли к заключению, что Бессергеневская шахта — ценная, и то обстоятельство, что она была брошена, надо об'яснить либо злым умыслом, либо полным равнодушием к делу.

Е. Колодуб презрительно отзывается об этой экспертизе:

— На что же, конечно, инженер патент (диплом) имеет!

Е. Колодуб начинает защищать свои взгляды на Бессергеневскую проходку, явно иронизируя над достижениями Октября, над национализацией недр.

— Я говорю и сейчас: Бессергеневскую проходку надо было закрыть.

Колодуб утверждает, что старые акционеры начали эту проходку только потому, что им надо было выпустить новых акций на 2 млн. рублей, «разводнить» основной капитал. По мнению Колодуба, теперь, чтобы довести Бессергеневскую проходку до конца, надо затратить еще 10 млн. рублей. Но в советских условиях такое вложение капитала было бы нецелесообразным. Теперь, ведь, нет границ у участков. Теперь Донуголь ничем не стеснен, все площади у одного хозяина. И, пользуясь этим новым положением, такой капитал незачем помещать в Бессергеневку.

Относительно угольного хозяйства, работы старого инженерства до революции и после революции он коротко заявляет: «Работают больше, а толку меньше». Почему же? Да потому, что «все больше бумаги пишут, а работать по настоящему боятся». «У хозяина был такой чувствительный инструмент, каким является карман».

Какая политическая безграмотность! — воскликнет читатель. Но вспомним, что те же идеи развивал профессор-

металлург (см. выше), человек с крупным именем. Если профессор не смог осмыслить Октябрьской революции, то что можно требовать от Колодуба.

Разница между ними, конечно, весьма существенна. Профессор только думает, Колодуб же действует. «Думайте, что вам угодно, — заявил тов. Н. В. Крыленко, — но действия ваши не должны преступать советских законов, законов трудящихся».

Таким же мелким собственником, узким мещанином является брат Емельяна, Андрей Колодуб, который в деле вредительства превзошел брата.

Колодубы всецело подчинили своему влиянию своего племянника — техника Бабенко.

Бабенко (выходец из крестьянской среды) — яркий пример человека, оболваненного капиталистическим строем и примером своего дяди, Колодуба.

Бабенко давал суду свои показания:

— Воспитывался на средства своего дяди Колодуба. Учился в штейгерской школе, соблюдал интересы хозяев. Вот какое я получил воспитание. Вот почему я стал таким.

После революции я тоже нигде не мог получить воспитания. Всюду у нас сидели старые специалисты, которые поддерживали старые порядки. Нового воспитания я нигде не мог получить. Поэтому и отношение к советской власти было у меня недружелюбное. Меня уверяли товарищи по работе, что советское государство не в силах поднять промышленность, что оно вскоре вынуждено будет сдать все шахты концессионерам и арендаторам. Все они ждали возвращения старых хозяев. Ждал и я.

Потом Березовский завел со мной разговор о вредительской работе. В частности, об остановке Азовской шахты.

«Так как всем своим воспитанием и укладом мысли я был подготовлен к таким действиям, то ему не стоило никакого труда уговорить меня. Я затопил эту шахту. Шахта — очень рентабельная. Могла бы дать в ближайшем будущем по 35 тыс. пудов угля в сутки».

Это — та самая Азовская шахта, относительно которой рабочие-свидетели говорили на суде: — «Скорбь на душе у нас появилась, когда мы узнали о затоплении этой шахты. Негодование нас захватило».

Бабенко, этот мещанин во вредительстве и вредитель в мещанстве, точен и аккуратен. Вот он обращается к суду:

— У меня еще был ряд вредительств по шахте № 2. Вот у меня списочек этих вредительств.

Бабенко вынимает листочек бумаги и по нему зачитывает перечень вредительских работ, которые он совершил на шахте № 2: неоткачка воды из шахт, саботаж машин советского производства и проч. Положив бумажку на стол, он заявляет:

— Все это я сделал из-за слабоволия и под влиянием других лиц. Я очень быстро поддаюсь влиянию. Если бы предприятие попало в руки старых хозяев, куда бы я девался, если бы не вредил?

За затопление шахты Бабенко получил от Березовского кожаный костюм, костюм продал и на вырученные деньги купил корову (мещанский идеал достигнут).

В своем вредительстве Бабенко, как опытный техник, был весьма разносторонен: тут и неправильное распределение врубовых машин, плохое крепление, канаты, сгнивающие через шесть месяцев, но остававшиеся на шахтах по году, саботаж рабочих изобретений, отсутствие мер, обеспечивающих нормальную вентиляцию в шахтах.

Судьба Колодубов печальна. Колодубовщина умирает. Они еще сумели подчинить своему влиянию более старшего, Бабенко. Но молодежь от нее уходит. От Колодубов отрекаются их собственные дети.

Сын Андрея Колодуба прислал в шахтинскую газету «Красный Шахтер» следующее письмо:

«Являясь сыном одного из заговорщиков, Андрея Колодуба, и в то же время будучи комсомольцем, активным участником строительства социализма в нашей стране, я не могу спокойно отнестись к предательской деятельности моего отца и других преступников, сознательно ломавших то, что создано энергией и кропотливой работой рабочих масс. Зная отца, как матерого врага и ненавистника рабочих, присоединяю свой голос к требованию всех трудящихся жестоко наказать контр-революционеров. Не имея семейной связи с Колодубами уже около 2 лет и считая позорным носить дольше фамилию Колодуба, я меняю ее на фамилию Шахтин. Рабочий шахты «Пролетарская диктатура» Кирилл Колодуб».

На примере Рабиновичей, Горлецких, Колодубов мы со всей четкостью видим, что классовая борьба продолжается. Собственники, лишенные собственности, сохранили собственнические взгляды. Их «сознание» не может примириться с их теперешним «бытием». Отсюда—их конфликт с советской властью.

Третья группа обвиняемых—инженеры, интеллигенты, лица с высшим образованием. Они — не бывшие владельцы шахт, не бывшие собственники. Они и до революции служили на рудниках.

По своему социальному происхождению большинство шахтинцев — выходцы из мелкой буржуазии. Мелкая бур-

жуазия не имеет своего политического лица, она примыкает либо к пролетариату, либо к крупной буржуазии. Шахтинцы еще на студенческой скамье «сделали выбор» во втором направлении (см. показания Березовского о своем студенчестве). Они кончали высшие учебные заведения, считались цветом интеллигенции, но верные хозяйскому закону, не щадили сил для поддержания режима рабского труда на производстве и для полицейского ограждения этого режима.

Для шахтинцев диплом инженера являлся мостиком от полуголодного студенческого существования к привилегированному положению «лейтенанта промышленности». Наивно считая себя подлинной интеллигенцией, солью земли,—шахтинцы смотрели на рабочих, как «на низшие существа» (показание Соколова), не замечая, как «эти низшие существа» растут с каждым днем революции и перерастают существа «высшие». Шахтинцы были всерьез убеждены, что череп под инженерской фуражкой — иного строения, чем череп под рабочей кепкой.

Отсюда высокомерное отношение шахтинцев к рабочим, обостренное сознанием, что эти «низшие существа» являются властителями страны.

«Сын крепостного» Березовский терпеть не мог, если рабочие (до революции) величали его иначе, нежели «ваше высокородие». Бабенко, сын хлебороба, у которого на семи десятинах земли было девять душ детей, смотрел на рабочих, «как на собак».

Березовский не гнушался «собственноручно» рукоприкладствовать. Инженер Башкин, невзирая на заграничное высшее образование, не отказывал себе в удовольствии «с'ездить в зубы» рабочему. Тем же самым занимались техник Некрасов, инж. Петров и пр.

На суде обвиняемые инженеры рискнули заговорить о том, что им был не чужд и «профессиональный долг инженера».

— Когда на производстве случалось такое, что требовало моего вмешательства,—говорил обвиняемый инж. Сущевский,—я это делал и спасал положение, не считаясь даже с риском для своей жизни. Рискуя своей головой, я прекратил пожар на Артемовском руднике, подавая пример стойкости рабочим. Из старых пластов Пугачевки внезапно прорвалась вода, грозя затопить насосы и вывести рудник из строя. И тут я, не думая о своей личной безопасности, предотвратил катастрофу. Никто меня не гнал туда,—говорит подсудимый сквозь слезы,—меня гнало исключительно мое профессиональное чувство горняка.

Березовский, по его словам, изобрел способ удешевления в 3 раза погрузки угля, что никак не могло быть выгодно старым хозяевам.

— Я — инженер, — говорил Березовский, — инженерская жилка обязывает к чему-то. Идеология у меня была вредителя, а специальность — другая. Я подобен врачу, который лечит и врага. Раз была идея, я не мог не претворить ее в жизнь.

Итак, вредитель должен оправдываться в том, что он не все время вредил!

Крепко зараженные инженерным чванством, шахтинские вредители-инженеры и после революции проводили строгое разграничение не только между собой и рабочими, но и между собой и техниками.

Тов. Н. В. Крыленко так охарактеризовал это на суде:

«В то время, как рабочие жили в неимоверно тяжелых условиях, эта группа лиц жила в гораздо лучших условиях, представляла собою своеобразный, особый

мир, — недаром им присвоили название «сеттльмент», нечто подобное иностранным кварталам среди пролетарского моря. Эта группа лиц, в своем бытие, в своей повседневной жизни сохранила полностью, почти до самого последнего времени, особенности своего прежнего бытия в период царской России.

Они делились на различные общественные слои, вернее, группировки и прослойки. Они были расположены как бы в трех этажах: бель-этаж занимала верхушка квалифицированного инженерства, это были те, кто отгораживал себя старательно от технической демократии—от простых штейгеров и техников. Сюда входили, главным образом, инженеры с большим стажем.

Другой слой имел своими типичными представителями обоих Колодубов. Колодубы—это выходцы из среднего мещанства, которые путем скопидомства, путем труда личного и эксплоатации своей семьи и других дошли до некоторого материального благосостояния. Они замкнулись в круг своих личных интересов, жили, если не по Домострою, то во всяком случае в духе, близком ему, они не понимали и не хотели понимать все то новое, что принесла с собой революция.

К этой группе можно отнести Васильева, Бєленко, — одним словом, состав низшего технического персонала. До известной степени сюда же можно отнести и Самойлова, который вышел из этой среды.

Эти три этажа резко сохраняли свое групповое различие. Еще ниже шли выходцы из рабочих, в роде Никишина».

Мало того. Подобно тому, как в заграничной эмиграции имеются сторонники Кирилла и Николая Николаевича, враждующие между собой, так и шахтинцы на советской

почве продолжали борьбу двух враждовавших между собой бывш. акц. о-в: Сулинского и Берестовско-Богодуховского. Они уже не существуют, уже потеряли давно свои рудники, которыми владеет теперь советское госгдарство, но все еще враждуют за «возможное в будущем» преобладание на рынке. Пастуховский рудник принадлежал Сулинскому о-ву, Берестовский—Берестовско-Богодуховскому. Интересы хозяев Пастуховского рудника «оберегал» Детер и Березовский, Берестовского—Шадлун. Отсюда—оживленные стычки между ними на суде.

— Вы растаскивали тогда Берестовку—кричал Шадлун Березовскому на суде,—вы все тащили на Пастуховку!

Инженеры-вредители сумели подчинить своему влиянию и часть техников. «Грамотеи-десятники», вышедшие из рабочей среды, отличались наибольшей жестокостью по отношению к своим же недавним товарищам по работе, — таков был капиталистический строй. Инженеры—«обер-офицеры капитала», техники (типа Васильева и Беленко)—«унтер-офицеры», а унтера в царской армии не отставали от обер-офицеров.

Между шахтинскими инженерами и техниками, даже об'единенными вредительской организацией, была разница дипломов, разница этажей; инженеры—высшее образование, техники—лишь среднее: иная слава звезде, иная—солнцу. Отсюда—затаенная обида у техников. Беленко уверял, что, как младший техник, он «близок к рабочим» и далек от высшего административно-технического персонала, который, по его словам, «даже и не мог ему доверять». Однако, это не мешало Беленко быть активным вредителем.

Вот и другой техник—Васильев, которого так ненавидели все рабочие Шахтинского района, которому рабочие угрожали не раз самосудом.

Он — выходец из рабочих, называл себя социал-демократом.

Васильев входил в организацию вредителей; этого было достаточно, чтобы Васильев, человек, мало сведущий в горном деле, заменил на ответственном посту молодого советского инженера Лившица, коммуниста, которого Нашивочников «отправил на поверхность».

В области отношений с рабочими Васильев проявлял жестокость, давая волю и языку, и рукам. Кроме того, он «забыл» пустить в ход вентиляционные машины, результатом чего явилось временное отравление 50 рабочих и смерть от удушья забойщика Зайцева. Факт этот твердо устанавливают свидетели.

Васильев и Беленко перед пролетарским судом вспомнили, что и они родственники пролетариату.

— Я сам из рабочих, и если я бывал с рабочими на рудниках груб, так это в натуре рабочего человека,—начал свои показания Васильев.

— Я близок рабочим, как младший техник, я скорее сходился с ними, чем с высшим административно-техническим персоналом,—говорил Беленко.

Но о своем родстве с пролетариатом они вспомнили лишь в ожидании приговора суда. В кратковременное господство на рудниках белых вредители-техники предпочитали поддерживать деятельность контр-разведки. Инженеры-вредители также были деятельными помощниками контр-разведки во время владычества в Донбассе белых. К этому сводятся показания бывш. капитана царской армии П. Ф. Прудентова, с мая по октябрь 1919 г. состоявшего начальником контр-разведки Шахтинского района.

Контр-разведку посещали Березовский, Калганов, Башкин, оба Колодуба, Самойлов. Их никто не приглашал.

Жалованье им никто не платил. Они являлись в контр-разведку добровольно. Они давали контр-разведке сведения о рабочих, об их настроениях, о волнениях среди них и пр. сведения, весьма ценные для контр-разведки. Они выдавали активных деятелей среди рабочих.

— Мы эти сведения разрабатывали,—повествовал суду Прудентов,—мои помощники делали дознания, затем отправляли эти дознания в полевой суд. Суд приговаривал к тюрьме, расстрелам и пр.

Расстреливали и рабочих, о которых были сведения, что они участвовали в красной гвардии. Были и внесудебные расправы. В общем, расстрелов было много.

Калганов постоянно приезжал в контр-разведку «на паре серых лошадей, в яблоках». У Емельяна Колодуба квартировал помощник Прудентова, бывш. офицер корпуса жандармов, ротмистр Сазонов, при каждой возможности собиравший данные о сочувствующих красным. Живя у Емельяна Колодуба, он черпал у него богатый запас сведений.

Инж. Элиадзе, по словам Прудентова, дал сведения контр-разведке относительно агитатора-рабочего и помог арестовать его.

Каковы же причины, сделавшие шахтинцев-вредителей добровольцами контр-разведки?

Прудентов так отвечает на этот вопрос:

— Конечно, красные для них были опасны. Эти люди боялись потерять свое имущество. Боязнь заставляла их обращаться куда-нибудь за помощью, чтобы только сохранить свое личное благополучие. И они обращались в самое близкое для них учреждение—контр-разведку.

Боязнь потерять свое имущество — даже не капиталы, а имущество!

Свидетель Вайлов, рабочий-горняк с 28-летним производственным стажем, в своих показаниях вспомнил о массовых расстрелах рабочих в 1918 и 1919 гг. во время кратковременных захватов белыми рудников.

— Вы нас,—обратился в заключение свидетель к подсудимым,—во время забастовок называли громилами и разбойниками, а настоящими разбойниками и предателями оказались вы, а не рабочий класс. Мы вас в 1920 г. простили, мы надеялись, что вы будете работать вместе с нами, что вы поможете нам восстановить производство, а вы вот что сделали!

3. Приемы и методы вредительства.

Шахтинская преступная организация — организация вредителей. Какие же вредительские методы и приемы они применяли?

Из методов вредительства шахтинцев наиболее скрытым был саботаж, заведомая халатность, преступная небрежность. «Пусть стоит», «пусть лежит» — были излюбленные выражения главного инженера Калганова. Когда Самойлов указывал ему, что два мощных насоса стоят неиспользованными, Калганов отвечал: «Пусть лежат». Когда грузочная машина «Джой», стоившая 20 тысяч руб., лежала без дела года полтора, и Самойлов указал на это Калганову, то Калганов ответил — «Пусть лежит».

Практиковалось и «одергивание» не в меру ретивых инженеров. Работая над восстановлением производства на Екатерининских рудниках, Братановский вскоре добился хороших результатов. Вдруг он получает сообщение от организации:

— У вас уже слишком себестоимость хороша. Не надо выскакивать вперед!

Братановский принял к исполнению. Он не спешил с откачкой одного уклона и соглашается на закладку двух мелких шахт на явно нецелесообразных местах.

Другим методом вредительства была «механизация дыбом». До революции врубовые машины в Донбассе не применялись. Их стали вводить после 1920 г., так как они обещали дать колоссальную экономию.

Вредители, прежде всего, старались не допустить введения советских врубовых машин, например, Краматорского завода. Напомню допрос одного из обвиняемых на суде.

— Почему вы саботировали введение краматорских врубовых машин, которые были не хуже заграничных?

— Потому, что это было советское изделие.

Далее, вредители захватили в свои руки закупку импортных машин. При этом они закупали ненужные или несоответствующие по мощности врубовые машины, или же нарочно выписывали машины без запасных частей (машины Сулливан), или же сознательно затоваривали денежные средства в оборудование, лежавшее без использования.

По словам подсудимого Чинокала, механизация носила явно вредительский характер, а именно: 1) заказ 9 врубовых машин фирме Кнапп, при чем вредители прекрасно знали, что машины Кнапп для Донбасса заведомо непригодны; 2) «наводнение» наших рудников машинами Джой и Сискол без достаточной подготовки рудников, что и привело к посылке врубовых машин туда, где даже не было электропередачи.

Инструктором по врубовым машинам состоял член вредительской организации, Никишин. По его словам, в тече-

нйе 1926—27 гг. в ДГРУ поступили 17 врубовых машин системы Джеффри. Эти машины были, во-первых, ненужны для рудников, оборудованных вполне пригодными машинами Суливана, а, во-вторых, были плохими по качеству своему. Никишин докладывал об этом Горлецкому и получил приказание машины принять, при чем приказанию сопутствовала мотивировка:

— Ваша обязанность разместить машины по рудникам, быть может, вам скоро придется работать с другими людьми, новыми хозяевами...

На ту же тему Горлецкий говорил с Самойловым:

— Размещайте машины, — указывал Горлецкий, — в возможно большем количестве. Будет время, когда они пригодятся для работы в других условиях. А получить их в таком количестве мы не всегда сможем.

О дальнейшей судьбе этих 17 машин Джеффри мы узнали из показаний обвиняемого Калганова.

Из установленных на рудниках 17 машин две были взяты, а из 15 оставшихся половина вышла очень скоро из строя и лежала без запасных частей. Отсутствие последних лишало возможности производить крупный ремонт, и работающие машины поддерживались исключительно мелким ремонтом.

Один из активных участников процесса утверждает, что тактика вредительства менялась на протяжении ряда лет и приспосабливалась к положению вещей в данный момент: сначала был прямой и грубый саботаж — затопление шахт и прочее, затем косвенный саботаж, менее заметный, а потом, на ряду с быстрым общим ростом социалистического хозяйства нашего Союза, в капитальном строительстве началось вредительство более утонченное, менее заметное — иногда вредители даже «до-

пускали» накопление ценностей, но так, чтобы их можно было использовать лишь тогда, когда вернутся к власти капиталисты, с которыми они были связаны в своей работе.

Были успехи и при том немалые, даже там, где работали вредители.

Березовский об'ясняет это «противоречие» на примере Власовского рудника:

— Власовский рудник чрезвычайно централизован. На него было обращено очень много внимания. Например, такое крупное дело, как электровозное, нельзя было не проводить. Нельзя было акты вредительства доводить до такой очевидности, что пришлось бы тотчас отвечать на вопросы: почему не увеличиваете добычу?

Далее, Березовский раз'ясняет:

— Нельзя же было дать вредительскую директиву по всем линиям производственной жизни на рудниках; в таком случае выполнение директивы стало бы совершенно невозможным. Об'ективные обстоятельства часто складывались благоприятно для вредительской цели. Так, сортировка была плоха. Что остается? Остается только не принимать мер не только к тому, чтобы построить новую сортировку, но и к тому, чтобы улучшить старую сортировку.

О дальнейших методах вредительства мы узнаем из показаний обвиняемого Калганова. Вот какие директивы он давал заведующему шахтой № 2, Бабенко.

— Я ему говорил, показывая на плане, что левую сторону будем работать, а правую оставим, чтобы показать хозяевам, когда они придут, что не все взято на рудниках, и есть еще что брать.

На затопленной шахте им. Крыленко вредители сознательно не организуют откачку воды, чтобы не пускать эту шахту в ход. На шахте Воровского задерживается разработка второго пласта, как наиболее ценного для хозяев. На руднике «Октябрьской революции» производится авария с турбиной. Старая турбина, если бы снять с нее лишнюю нагрузку, могла бы еще продержаться. Но нагрузка сознательно не снимается, и с турбиной происходит авария. Турбина увозится и... исчезает.

Тот же Калганов, занимавший тогда должность главного инженера Донецко-Грушевского рудоуправления, как бы предчувствуя возможность ареста, советовал Самойлову ни в чем не признаваться и давать только «технические» об'яснения. «Технической целесообразностью» вредители желали отвлечь внимание властей от их деятельности.

— Это было так принято. Каждый акт вредительства об'яснялся с точки зрения технической целесообразности. Техники и инженеры умеют скрыть истину, — говорил на суде обвиняемый Самойлов (бывший шахтовладелец):

— На шахте, которая находилась под моим руководством, умышленно не ремонтировалась золотниковая коробка под'емной машины, хотя отремонтировать ее было не так уж трудно. Отсутствие ремонта грозило сокращением добычи. Затем нами умышленно не были установлены предохранители для копровых шкивов, вследствие чего в любое время клеть могла упасть в шахту.

Сортировка находилась в неудовлетворительном состоянии, ремонт ее в свое время не производился, а в результате от этого получались значительные убытки.

Проходки хода № 19 и бремсберга № 19 были произведены умышленно, так как полная ненадобность их была вполне очевидна. На это было выброшено около 10.000 рублей. В то же время нужный бремсберг № 27 проведен был с большим опозданием.

В 1921 году нужно было ремонтировать копер на шахте Антропова. Инженер Петров не очень-то торопился с этим ремонтом. Березовский вызвал Петрова к себе и в присутствии Самойлова, бывшего владельца этой шахты, сказал Петрову: «Копер нужно поставить: что же нам скажет Самойлов, когда шахта к нему вернется?».

Другим методом вредительства было всячески раздуваемое строительство мелких шахт. Оно производилось по директиве из-за границы Дворжанчика, который считал, что оно будет «оттяжным пластырем», отвлекающим внимание от закладки крупных шахт, и тем самым сбережет недра для быв. хозяев.

Общественный обвинитель тов. Крумин, редактор «Экон. Жизни», так охарактеризовал мелкое шахтное строительство:

«Форсированное развитие мелких шахт отвлекало внимание советской власти от ценных пластов, и обер-офицеры капитала понимали, что развитием добычи на мелких шахтах они причиняют наименьший вред своим хозяевам в будущем. К тому же вредители старались, чтобы мелкие шахты закладывались на явно неблагонадежных пластах».

Достаточно привести такие примеры, как вредительство на шахте «Красненькая», ранее принадлежавшей Самойлову: в эту шахту, в которую Самойлов в свое время вложил всего 5 — 10 тысяч, было ухлопано 150 тыс. рублей

советских денег; из восьми шахт на Кадиевке только одна была заложена удачно и т. д. Много мелких шахт закладывалось без достаточной разведки.

Вредители занимались не только мелким, но и крупным капитальным шахтным строительством.

УНС (Управление нового строительства Донугля), по своей структуре, должно было осуществлять следующие функции: увязка угольного строительства с потребностями страны, выявление новых участков, проектировка новых шахт, руководство сооружением предприятий.

Завед. УНС и главный организатор вредителей, Ю. Н. Матов, за 2—3 месяца до своего ареста так расписывал деятельность УНС в «Вестнике Донугля», № 23—24 от 15-го ноября 1927 г.) в своей статье: «Донбасс за 10 лет»: — «Основная задача — восстановление — закончена, и начала осуществляться дальнейшая задача — постройка нового Донбасса. В обоих направлениях необходимо отметить большие достижения. Однако, не меньшие задачи стоят на очереди, и они в ближайшем будущем потребуют исключительного к себе внимания и исключительного напряжения как со стороны работников Донбасса и профессиональных организаций, так и со стороны государства в целом».

На практике же деятельность УНС (основанного по директиве из Парижа Пряткина, быв. члена Совета с'ездов горнопромышленников юга России), изобиловала несомненными вредительскими актами: а именно: 1) допущение производства работ по новым шахтам, которые впоследствии должны быть оставлены (шахта № 6 Брянского рудоуправления); 2) работы по проходке и откачке новых шахт без достаточного оборудования и при недостаточных технических средствах; 3) допущение к работе

шахт без достаточного геологического освещения; 4) замедление при прохождении и оборудовании новых шахт.

Закладывается УНС'ом новая важная шахта, начинается работа. Вскоре работа приостанавливается «по об'ективным причинам» — капитал, вложенный в шахту извлекается из оборота, лежит мертвым грузом. Так случилось с шахтой Сорокинской, куда было вложено до миллиона рублей, с шахтой Должанской, поглотившей 250 тысяч. Другой метод был применен к шахте Скачинского. Прокладка этой шахты шла в три раза медленнее нормального срока, себестоимость прокладки превышала обычную на 30 процентов.

Шахта Киселевка была заложена без разведки, и план ее путешествовал свыше двух лет.

Общественный обвинитель, тов. Крумин, так очертил эту сторону деятельности вредителей:

«Капитальное строительство в Донбассе в 1921—22 г. имело вложений всего в полмиллиона руб., в 1922—23 г.—9 млн. руб., а в настоящем году вложения в капитальное строительство Донбасса достигают 112 млн. руб.

Вредители в капитальном строительстве поставили себе цели: растянуть капитальное строительство, отсрочить если не сорвать его, неэкономно расходовать средства, расходовать их на большее число об'ектов. Успешное осуществление вредительской работы по этим линиям дало бы возможность вредителям компрометировать гегемонию рабочего класса, как не умеющего правильно вести народное хозяйство».

Донуголь (при содействии вредителей) пригласил для проектирования новых шахт американских инженеров, за весьма высокое вознаграждение в 450.000 долларов или же 200 руб. в день. Но приехавшие американцы были

очень сомнительными специалистами. Так, инженер Гарсиа работал в горном деле, но это было очень давно; сын его, Гарсиа, занимался тем, что печатал на машинке. В результате проекты американцев были мало пригодны. А вредитель, инж. Кржижановский, специально приставленный Донуглем для экспертизы американских проектов, систематически покрывал их ошибки за получаемое от американцев вознаграждение 300 руб. в месяц. Таким образом, контролер оказался на откупу у контролируемых.

Акты вредительства находили свое отражение в использовании иностранных специалистов. Так, свидетель, германский инж. Фоппе, в свое время приглашенный из Германии на службу в Донуголь, много рассказывал суду о тех злоключениях, которые ему пришлось пережить за сравнительно краткое время своей службы в Донугле.

В правлении Донугля технический руководитель его, Бояршинов, не удосужился переговорить с приглашенным немецким инженером и дать ему какие-либо указания относительно предстоящей работы. (Бояршинов на заданный ему судом вопрос, как использовал Донуголь иностранных специалистов, дал ответ, что ему это неизвестно, так как и помимо этого у него было много дела.)

Инж. Фоппе послали на рудник, на коксовые печи, для ознакомления с условиями работы в советской действительности. Здесь на него не обращают внимания, дают лишь возможность «приглядываться», а когда занимаемая Фоппе в доме для приезжающих комната потребовалась для кого-то другого, инж. Фоппе просто отослали в правление Донугля, не получив от него, как от специалиста, никаких указаний относительно работы коксовых печей.

Затем, инж. Фоппе послали на другой рудник. Здесь коксовые печи были не в порядке, а рудоуправление принимало все меры к тому, чтобы замедлить необходимый ремонт, на котором настаивал Фоппе. Фоппе, не в пример нашим инженерам, принимает активное участие в производственных совещаниях и выявляет наболевшие места предприятия. Это было не на руку вредителям, и они уволили Фоппе, несмотря на то, что это было сопряжено с большой неустойкой.

Обв. Самойлов показывал на суде:

— Мы старались понижать политическое настроение рабочих. Рабочие находились в тяжелых условиях труда и быта. Без всякого ущерба для производства можно было улучшить материальные условия шахтеров, но этого не делалось, и рабочие роптали. Точно так же вызывала нарекания рабочих задержка проведения в жизнь коллективных договоров. У нас все время велась такая линия, чтобы как можно больше оттянуть проведение их в жизнь. Если взять переписку, которую вели по этому вопросы шахты с рудоуправлением, то можно увидеть, насколько сознательно все это делалось. А в результате были нарекания, неудовлетворенность со стороны рабочих.

Итак, шахтинцы заводили сознательную бюрократическую волокиту, раздражали этим рабочих, сшибали их лбами с профорганами, с советской администрацией.

— Мы поставлены советской властью,—внушали рабочим Березовские, Калгановы, Самойловы. — Мы ей служим, ее приказы выполняем. Вам, рабочим, не нравится этот режим?!

Среди шахтинцев были своеобразные специалисты по «рабочему вопросу». Одним из них был Некрасов. В его

функции входило нажимать на рабочих и сеять среди них недовольство. С этой работой, — аттестуют Некрасова его сподвижники, Соколов и Бояринов, — он вполне и успешно справлялся. В доказательство они ссылаются на разработанную Некрасовым систему премирования рабочих. Эта система вызвала негодование среди машинистов и привела к тому, что маневренные паровозы больше стояли, чем работали, парализовав тем работу всего парка.

Приведу и такой штрих (на суде):

Крыленко (Соколову) — Возбуждение конфликтов с рабочими входило в план вашей организации?

— Да. Я Бояринова завербовал в организацию, как специалиста в этой области.

В цехах и шахтах—ропот. Надо перенести всю тяжесть обвинения за недочеты с истинных виновников-вредителей на советскую власть. В шахты рассылаются свои люди. — Агенты Калганова на предмет возмущения рабочих, — показывает техник Бабенко. «Агенты» доводят рабочих до забастовок (например, Капустинская забастовка). Инж. Петров («классический саботажник») устанавливал неправильные расценки, произвольно удлиняя рабочий день, и все это с ссылкой на то, что он, Петров, делает это не по своему почину, а, якобы, по постановлению РКК, в которой заседают «ваши же рабочие».

— Ходы делали так, чтобы рабочие не могли добывать уголь. Зарплата падала, рабочие стали роптать не только против отдельных спецов, но и против советской власти в целом,—говорит свидетель Сизов.

Рабочий Луценко предложил ценное изобретение. И представители технической интеллигенции, якобы

«страшно увлекающиеся» техническим прогрессом, злобно сшибают изобретателя. Бабенко об'ясняет: «Потому, что это — для советской власти».

К чему же была направлена вся эта сложная, хитро разработанная и настойчиво проводимая система вредительства?

— Через год-два, в 1929—30 гг., все эти вредительские меры должны были вызвать кризис в добыче донецкого угля, и это время, как писали «хозяева», совпадет с моментом предполагаемой интервенции, — так заявляли на суде сами вредители.

4. Почему они так долго продержались?

Мы ознакомились с тем, как была сорганизована вредительская шайка, какие меры самосохранения были ею предприняты для того, чтобы уцелеть и продолжать свою подрывную работу, длившуюся свыше 5 лет.

Не только у судей, но и у многочисленных слушателей, наполнявших в течение длительного процесса Колонный зал Дома союзов, многократно и неотвязно вставал вопрос: почему они продержались так долго?

Этот же вопрос был поставлен тов. Н. В. Крыленко в его большом докладе об итогах Шахтинского процесса, сделанном на общем собрании московских инженеров и техников и членов ассоциации «Варнитсо». «Почему, — говорил т. Крыленко,—при наличии у нас диктатуры пролетариата, при существовании партийных, профессиональных и других организаций получилось такое положение, что организация не только существовала, но и успешно развивала свою деятельность?»

Тов. А. И. Рыков в своей речи от 16-го апреля 1928 г., на заседании сессии ЦИК'а, сказал «Контрреволюционные заговорщики занимались своим делом на протяжении ряда лет, и ни советские, ни профсоюзные, ни партийные органы не раскрыли их работы в течение этого времени. В этом нездоровая сторона Шахтинского дела. Отсюда вытекает необходимость максимального улучшения всей нашей работы. В борьбе, где мы были в наивыгоднейших условиях, так как она происходила на нашей территории, в рабочем центре—Донбассе, при условии, когда в наших руках вся система власти, небольшая группа классовых врагов смогла вести против нас длительную подрывную работу. Это, несомненно, означает, что там были какие-то крупные недостатки в работе». (Курсив наш.)

Чрезвычайно облегчало работу вредительской организации ложно понятое чувство корпоративности, стремление покрывать друг друга, не выносить сора из инженерной избы. «Дух корпоративности, дух взаимной солидарности,—показывал обвиняемый Самойлов,—всегда был силен среди технического персонала и особенно среди квалифицированного дипломированного инженерства. После революции эта корпоративность еще более усилилась».

Остановимся на этом весьма ценном заявлении Самойлова. Корпоративность, понимаемую, как покрывание друг друга, как взаимное перестрахование от ответственности, как отпущение друг другу грехов и ошибок профессио-

нальных, инженерских,—мы и по сие время встречаем в широких кругах инженерства, даже далеких от вредительства.

В Шахтинском деле эта ложная и лживая корпоративность выступает в своей антиобщественной наготе. Путем вопросов, заданных мною лично обвиняемому инж. Калганову, установлено, что из 45 инженеров, работавших вместе с Калгановым под его началом, 12 принадлежали к вредительской организации. Следовательно, 33 инженера не принадлежали к организации. Почему же они молчали? Неужели они не видели, не замечали, даже не подозревали того, что творилось около них, на тех же шахтах и рудниках?

На суде этот вопрос задавался обвиняемым. Но дух инженерской корпоративности витал над обвиняемыми и под сводами Колонного зала Дома союзов. Например, Калганов уверял, что инженеры не-вредители и не могли заметить чего-либо подозрительного: мол, каждый занят своим участком, своим уступом, не знает, что делает его сосед-вредитель и пр. Это об'яснение является неудовлетворительным. Разве могло пройти незамеченным произведенная вредителями заведомо нецелесообразная ликвидация подковного и фенолового заводов, подсобных предприятий, организованных еще Парамоновым?

Несомненно, что среди инженеров и техников не-вредителей в Шахтинском районе были такие, которые не могли не подозревать вредительства. Но они молчали, молчали из духа все той же корпоративности, а отчасти из страха перед вредителями, захватившими почти все командные должности: мол, затрут по службе, а то и совсем выгонят. Ведь, всегда и везде инженерно-технический персонал равняется по своей командной верхушке, фактиче-

ской держательнице (в значительной степени) материальных благ, в виде повышения по службе, распределительнице премиальных и проч.

Возбуждение недовольства среди рабочих было замаскировано.

Обвиняемый Братановский сообщает, что харьковским центром вредительской организации «решено было возбудить недовольство рабочих установлением высоких норм, введением хронометража, понижением расценок, но, так как ко всему этому нужно было подходить весьма тонко, то рекомендовалось действовать через профсоюзы и инженерно-технические секции с той целью, чтобы истинным организаторам этого дела остаться в стороне».

Замечательно, что вредители находили возможным делать это руками инженеров, не входивших в их организацию, и даже—руками общественных организаций инженерства.

Облегчало работу вредителей и то, что прежние специалисты оказались при соввласти на тех же рудниках, что и в царское время. Так, из 13 первых (по времени допроса на суде) обвиняемых—9 работали раньше в Донецко-Грушевском акц. о-ве, а потом перешли на службу в Донецко-Грушевское рудоуправление.

Вообще, вредительский отбор был весьма тщателен. Так, обвиняемый Березовский, в качестве технического руководителя Донецко-Грушевского района, от которого зависело назначение зав. рудниками, пригласил на службу Емельяна Колодуба и Самойлова, бывш. шахтовладельцев, ибо «их политическое мировоззрение не расходилось с мировоззрением Березовского».

Обв. Бояршинов, передавая Братановскому о его назначении заведующим вновь созданным важным органом—Бюро проектирования при правлении Донугля — сказал:

— Я хочу здесь иметь своего человека.

Вредительская организация к 1925—26 гг. приобрела тем бо́льшее значение, что в ее руках оказались не только командные инженерские должности на местах, но и целые учреждения (отделы, управления), ведающие столь ответственными вопросами, как импорт машин, механизация производства, наконец, строительство нового Донбасса.

Вредительская организация и здесь проявила активность: организация провела на руководящие посты в Управление нового строительства Донугля своих членов — Матова и др.

Другим фактором, обеспечивавшим длительность существования организации, была конспирация.

Организация представляется в своем конспиративном построении так: московский центр, харьковский центр, районные центры, связь сверху вниз. Связь происходит через одно лицо. Агентом по определенному району,— положим, харьковской организации,—является Икс. Этот Икс тоже имеет агента, Игрека, которого никто другой не должен знать. У этого — свои, низшие.

Судя по об'яснениям Березовского, он знал структуру контрреволюционной организации лишь по нисходящей от себя линии, а по восходящей ее знал Горлецкий, с которым он был связан.

Организация была столь конспиративна, что по словам Березовского избегала собираться, ибо не нужно было знать, например, Калганову, что в организации участвует еще кто-либо.

Вообще же Березовский считает, что если бы даже организация и имела возможность собираться, то в этом не было нужды. В различных предприятиях совершенно раз-

ные условия работы, даже твердость угля совершенно различная. В мнениях соседей не было никакой надобности, это были бы бесполезные сборы.

Предварительная разработка плана вредительства в местной вредительской организации не производилась. Почему?

— Да потому, что вопрос о том, что и где можно испортить, нельзя было решить заранее,—отвечает Березовский.—Такой вопрос выплывал неожиданно. Вот, например, когда мы закладывали мелкие шахты, выяснились определенные возможности вредительства, которые мы и осуществляли. Вопрос о вредительстве, конечно, рассматривался. Намечались определенные об'екты для вредительства. Давались указания. Была директива, а деталей, плана, как и что сделать, не было. По Донецко-Грушевскому рудоуправлению шахты настолько многочисленны и разбросаны, что там целиком предоставлялось право Калганову самому намечать конкретные акты вредительства, а потом уже докладывать, что им в этом отношении сделано.

Участники организации в высокой степени обладали способностью социальной мимикрии, т.-е. приспособления к господствующей социальной среде. Издеваясь внутренно над советской и профессиональной общественностью, над советскими организациями, они, как Матов в «Вестнике Донугля», печатно заявляли о необходимости социалистического строительства, о поднятии производительности труда и т. д. Они принимали участие во всех формах общественности, фактом своего участия в ней превращая ее в собственную противоположность. Способность вредителей быть редисками, маскироваться в защитный красный цвет,—дала свои результаты. Вредитель Горлов получил

звание героя труда, вредитель Калганов—заслуженного шахтера. В члены президиума окрпрофсовета прошли — Бабенко, Нашивочников и др.

Вредитель Бояршинов стал членом президиума Украинской ассоциации инженеров.

Вредители захватили в свои руки и местную инженерно-техническую секцию союза горнорабочих.

При организации ИТС (инж.-техн. секций) были поставлены, как основные задачи: скорейшее сближение инженерно-технических работников в производстве со всем рабочим классом, скорейшее усвоение инженерно-техническими работниками основ советской системы и задач рабочего класса по социалистическому строительству; вовлечение инженерно-технических работников в массовую союзную работу по улучшению производства и поднятию квалификации рабочих; улучшение обслуживания интересов инженерно-технических работников внутри самого профсоюза.

Однако, на практике, в Шахтинском районе аполитичность в массе инженерно-технических работников, безразличие к советской власти и советской общественности, корпоративная спайка старых работников, связанных со старыми хозяевами; отсутствие реальной проверки работы и руководства как со стороны вышестоящих секционных, так и союзных организаций, безразличие к выборам руководящего состава секций—привели к изоляции секций от союза и позволили небольшой группе контрреволюционеров не только оказывать тлетворное идеологическое влияние на всю массу инженерно-технических работников, но и войти в руководящий состав секционных организаций, сделавши последние орудием контрреволюционной борьбы в шахтах.

«ИТС и об'единяемые ею инженеры нисколько не слились с массой,—говорил на суде обв. Самойлов,—а в некоторых случаях даже наоборот,—ИТС давала организационный выход присущему инженерству корпоративному духу».

В своей обвинительной речи я подробно очертил захват вредителями инженерно-технической секции (см. ниже).

В бюро ИТС входил инж. Антонов, зам. заведующего горным надзором и член вредительской организации. Наличие в ИТС своего человека очень пригодилось. Так, член организации техник Беленко был арестован за грубое несоблюдение им правил технической безопасности, последствием чего была смерть запальщика Коренькова. Антонов, на обязанности которого лежало наблюдение за проведением правил техники безопасности, созвал совещание инженерно-технических сил Шахтинского округа, на котором был решен бойкот всякого члена секции, который занял бы место арестованного Беленко. В прокуратуру и следственные органы посыпались сообщения, что из-за ареста Беленко и отсутствия других опытных товарищей работа по проходке шахты им. Воровского останавливается.

В лице инж. Антонова вредители подчинили своему влиянию и горный надзор.

Антонов был заместителем начальника горного надзора. Но начальник, инж. Желиховский, сидел в канцелярии, в Новочеркасске и подписывал акты и протоколы, составленные на местах Антоновым.

Горный надзор должен следить за правильностью, безопасностью и рационализацией горных работ. Его контролирующий глаз должен быть повсюду: и в шахтах, и на поверхности, в рабочих казармах, и в забое. Идет ли речь

о том, должна ли прокладываться проходка деревянным или бетонным укреплением, или о том, правильно ли осуществляется вентиляция шахт, нормально ли происходит подача электрической энергии,—по всем этим вопросам горный надзор должен иметь свое компетентное мнение и должен уметь, если необходимо, на этом мнении настоять.

Между инж. Антоновым и активными вредителями существовало «сердечное согласие». При наличии такого надзирающего ока, вредители могли беспрепятственно вредить. Антонов им не мешал. Например, вентиляция проводилась в стороне от штрека и нечем было дышать. «Если бы до революции такой случай нарушения правил горного надзора имел место, то горный надзор ни в коем случае не прошел бы мимо», — заверяет обв. Самойлов. Но Антонов, начальник советского горного надзора, проходит мимо. Он, к тому же, председатель бюро местной секции инженерно-технических сил, член президиума окрпрофсовета, единомышленник и друг вредителей и «в обиду членов секции не давал».

За год Антоновым было составлено 20 актов о несчастных случаях, тогда как на самом деле их было значительно больше. Официальные сведения о несчастных случаях за время с 1-го сентября 1925 г. по май 1927 г. говорят, что на шахте им. Воровского от обвалов породы, ушибов, газов и проч. произошло 672 несчастных случая.

Следовательно, свыше 600 несчастных случаев прошли мимо горного надзора. Но и запротоколированные Антоновым 20 случаев освещались им весьма своеобразно: во всем, во всех катастрофах, во всех травматических повреждениях виноваты сами рабочие и только они. Если только поверить актам инж. Антонова, рабочий шахты

«Артем» Володин погиб «по собственной неосторожности»; забойщик Степанов, на которого свалился камень, «сам виноват в этом»; рабочий Горностаев убит током «по собственной неосторожности»; рабочий Бондырев свалился в колодец с горячей водой и обварился тоже «по собственной вине» и т. д. В соответствии с такими заключениями Антоновым производились и взыскания: то в порядке профсоюзной дисциплины, то в порядке ничего не значащего замечания. Тем дело и кончалось!

ИТС ни разу не обсуждала вопроса о несчастных случаях с рабочими (у нее были дела поважнее: тарифы для членов секции, распределение курортных мест, разбор мелких дрязг). Иными словами, вся работа ИТС являлась, по отношению к рабочим, — издевательством.

И мне, в качестве общественного обвинителя, пришлось раз'яснять Антонову эту азбучную истину.

— Раз вы не обсуждали вопроса, как уменьшить несчастные случаи, то ваша культработа среди рабочих звучала насмешкой!

Производственные совещания также не были обойдены вредителями.

— Как происходили у вас производственно-технические совещания? — задал я вопрос обв. Калганову.

— Они происходили, согласно циркуляру Донугля, не реже одного раза в месяц. На совещаниях разбирались вопросы технического порядка и вопросы о себестоимости угля.

— Согласитесь, что роль ваша, как вредителя, никак не вязалась с ролью докладчика и активного участника производственно-технических совещаний?

Подумав, Калганов отвечает:

— Но, ведь, акты вредительства не охватывали всего производства. Остановить совсем жизнь промышленности нельзя было!

— Хорошо, — продолжаю я. — Тогда об'ясните: раздавались ли голоса возмущения на этих совещаниях со стороны честных техников, не замешанных в контрреволюционной организации?

— Акты вредительства,—отвечает Калганов,—не являлись для всех осязательными. Непосвященные в тайны вредительства не видели вредительства. Посвященные молчали.

Здесь мы вновь встречаемся с упорно поддерживаемой Калгановым фикцией, что «непосвященные—не видели вредительства». Я лично склонен думать, что непосвященные видели, хотя бы и не отчетливо (благодаря дымовой завесе, созданной вредителями), но выступать на производственных совещаниях на острые темы боялись, видя засилье вредителей.

Один из свидетелей дал иную картину производственных совещаний. По его словам, рабочие на производственных совещаниях, в присутствии техников и обв. Самойлова, выступали с заявлениями. Когда же через несколько времени рабочие интересовались судьбой своих заявлений, инженеры отвечали им, что, мол, соответствующие материалы отосланы в рудоуправление или в Донуголь. Ждем, мол, ответа, сами вопроса разрешить не можем.

Производственные совещания, во исполнение донуглевского циркуляра, на который ссылался обвиняемый Калганов, собирались аккуратно, каждый месяц. Но в их протоколы никто не заглядывал. И в то же самое время вредители поедом ели тех из шахтеров, кто имел

неосторожность на производственном совещании выступить, переводили их, через некоторое время, на самую тяжелую и плохо оплачиваемую работу.

А донуглевские хозяйственники, перебравшиеся из «глухого» Артемовска в столичный Харьков, за сотни верст от месторождения угля, считали, что, раз циркуляр за номером таким-то о регулярном созыве производственных совещаний формально выполняется,—значит, все обстоит благополучно.

По отношению к партийцам вредители применяли следующие методы.

Приехал заместителем к заведующему шахтой Нашивочникову тов. Домненко, рабочий-коммунист, бывший командир Красной армии, затем директор завода. Шахтинская контрреволюция одевает маску радушия и товарищеского гостеприимства, в распоряжение Домненко сейчас же предоставляют лошадей, подыскивают ему квартиру.

Домненко захворал, и «товарищи» по работе проявляют большую заботливость о его состоянии, предлагают ехать лечиться в Москву или на курорт. Домненко не поехал ни на курорт, ни в Москву. Он выздоровел и взялся за работу.

Тогда было произведено «распределение работы»: завшахтой, вредитель Нашивочкин, должен был заведывать недрами, а Домненко поверхностью, т.-е. Домненко достались уборщицы и сторожа, а от производства он оказался на пушечный выстрел.

Но Домненко знает горное дело, видит ряд крупных упущений, видит безобразный порядок ведения горных работ. Домненко обращал внимание инженеров на эти безобразия и говорил им, что преступно так эксплоатировать пласты,

а они отвечали: «Надо спешить. Надо больше угля добыть, и нет времени заниматься производством по правилам, законы разберем после».

Каково лицемерие меднолобых шахтинцев! «Надо больше угля добыть», социалистическое отечество нуждается в угле, и они, состоящие на откупу у прежних хозяев, у международного капитала, питающие в душе лютую ненависть к этому социалистическому отечеству, — лицемерно прикрывают вредительскую работу именно своей, якобы, преданностью интересам СССР! Самый хитрый иезуит позавидовал бы такому приему.

Не видя поддержки со стороны инженеров, тов. Домненко обратился к инж. Лифшицу (коммунисту) и приказал ему, за своей ответственностью, работать так, как этого требует целесообразность. Лифшиц выполнил приказ тов. Домненко и был через две недели уволен. Тов. Домненко выступил с тревожными указаниями на совещании инженеров и техников, его внимательно слушали, вежливо возражали, но ничего не предпринимали. В результате, сам Домненко возбудил вопрос о переводе.

Искусно устраняя партийцев от влияния на производство, вредители в то же время старались предоставлять партийцам сомнительную честь расхлебывать ту кашу, которую они же, вредители, заварили. Иногда эта каша оказывалась весьма отравленным блюдом.

На шахте происходит массовое отравление рабочих. Обв. техник Васильев не исполняет прямого приказания заместителя заведующего шахтой Домненко, предвидевшего возможность отравления, пустить в ход вентиляционные машины. До 50 рабочих задыхаются в шахте и в бесчувственном состоянии вытаскиваются на поверхность. Один забойщик умирает. На руднике происходит смятение.

И немедленно старые спецы исчезают с рудника: уезжают в Ростов.

— Как бы чего не случилось! Уж мы лучше уедем! А вы, вы — партиец, вы тут с ними все уладите.

В другом случае партийцев «выдвигали» в качестве авторов жестких норм выработки или пониженных норм расценки, ущемителей, прижимистых администраторов, формалистов.

Борьба партийцев с вредителями затруднялась еще потому, что вредители обладали, в подавляющем большинстве, солидным производственным стажем и соответствующим авторитетом. А партийцы — иные только что с вузовской скамьи, как инж. Лифшиц, иные — стажеры, как тов. Очередников, иные — рабочие, как Домненко, Кузин, Пономарев.

Шахтерская масса не оставалась безучастной к подрывной деятельности контрреволюционных заговорщиков. «Когда мы полусумасшедшими вылезали из шахт, благодаря плохой вентиляции, — говорил свидетель Сизов,— мы, конечно, пробовали бороться. Но за каждое замечание по поводу деятельности заведующего мы платили шкурой. Начнут гнать с рудника, будешь как проклятый ходить».

На рабочих собраниях и на заседаниях ячеек раздавались предостерегающие голоса. Тот же тов. Лифшиц, убедившись в том, что на руднике работает «в плановом порядке» какая-то незримая организация, идет в рудком, рассказывает об этом. Организуется комиссия специально по этому вопросу. Этим дело и кончается.

Устранения наиболее активных вредителей низовые партийцы и профессиональные организации добивались упорно, годами. Но требования убрать вредителя квалифицировались как «спецеедство», «отрыжка военного коммунизма».

Безусловно правильные резолюции партсъездов о недопущении спецеедства, о товарищеском отношении к специалистам — истолковывались головотяпски. «Очень многие проявляли бесконечное доверие к инженерам и техникам, относились пренебрежительно, без достаточного внимания к заявлениям рабочих» (слова тов. Н. В. Крыленко).

Свид. механик Золотарев, с 32 годами производственного стажа, поведал на суде, как за эти годы его перебрасывали с одной шахты на другую потому, что он парализовал вредительские акты, стараясь улучшить работу на шахтах. Его выгнал вредитель инженер Элиадзе за то, что он энергично работал по откачке затопленной шахты. Уволил его с шахты «Воровский» — Гаврющенко, вредитель, покончивший с собой после ареста, в тюрьме. И попал Золотарев, наконец, на «злосчастную» шахту Поповка, которую возглавлял вредитель техник Беленко, затопивший Ново-Азовскую шахту.

Так пользовались вредители той властью, которую вручила им советская страна, считая их честными специалистами, честными гражданами.

Доверие оказывали специалистам не только администраторы и хозяйственники, им доверяли и рабочие. Месть чужда победившему пролетариату. Рабочие знали, что многие спецы—бывшие собственники, что они до революции прижимали рабочих для хозяйских прибылей и пр. Но они понимали, что специалисты, их знания, их опыт—нужны Донбассу. Рабочие предпочитали не копаться в их прошлом, в их прежних связях с капиталистами. Ведь, пока пролетарской интеллигенции еще мало. Приходится пользоваться знаниями прежней, не пролетарской интеллигенции. За неимением простой, пишем на гербовой.

И к людям с гербами, с инженерскими значками рабочие относились бережно. Бывший шахтовладелец, затем специалист обв. Самойлов выставил свою кандидатуру в рудком. Рабочие поддержали эту кандидатуру. Впоследствии на суде Самойлов пытался использовать этот факт в свою защиту и получил от свидетеля, рабочего Кувардина, достойный ответ:

— Были у нас разговоры, почему Самойлова, бывшего хозяина, «не шлепнули»,—говорил Кувардин.—А я говорил: если он честный специалист, пусть он сближается с рабочим классом. И кандидатуру его отстаивал. О ш и б к а б ы л а. Я д у м а л, о н ч е с т н ы й.

5. Отдельные районы.

(Несветай, Щербиновка, Кадиевка).

Переходим к отдельным районам вредительской деятельности.

Н е с в е т а й.

Несветаевское рудоуправление—Несветай—золотое дно, одно из богатейших месторождений Донбасса.

На Несветае работала в р е д и т е л ь с к а я т р о й к а: Калнин, Ал. Некрасов и Кувалдин (тесть Некрасова).

Главный инженер Несветая, Калнин, бывший меньшевик, ставший обывателем («после 1906 г. интересы Парамонова мне стали как-то ближе, чем интересы рабочих», хотя «с 16 лет социализм был его религией»). Вокруг него вредительское окружение: сверху—в Донугле—его непосредственный начальник Бояршинов, отдававший ему явно вредительские приказания, снизу—формально ему подчиненный Некрасов, дававший ему деньги за вредительство, и тесть Некрасова, механик Кувалдин; с боков: на Власовке—Башкин, в ДГРУ—Березовский.

На Несветае нужно было пустить в ход, откачать затопленные еще Парамоновым шахты №№ 3 и 4. На Несветае надо было заложить три новые мелкие шахты. И, наконец, на Несветае должна была быть оборудована шахта им. Скачинского, но до последнего времени почти ничего сделано не было. Почему?

— Мы страдали от всего,—показывал обв. Калнин,—от постоянных перебоев в снабжении электрической энергией; от постоянной нужды в элементарном рудничном оборудовании—насосах, канатах, от мучительно-медленного поступления машин; от саботажа из центра—Харькова, харьковского правления Донугля... И в результате все работы шли со страшной медленностью, и то, что делалось, делалось зачастую неправильно.

Несветай снабжался энергией из Власовки, а Власовской электростанцией заведывал вредитель Башкин. На Несветае не хватало машин, а соседняя Власовка машинами была перенасыщена. Об этом своевременно заботился вредитель Горлецкий.

Вдохновителем вредительства на Несветае был Ал. Некрасов, хотя номинально Некрасов был помощником Калнина. Некрасов отличался зверским отношением к рабочим при белых, выдавал контр-разведке на расстрел рабочих, заподозренных в сочувствии большевизму.

Но и при советской власти Некрасов с рабочими обращался скверно. Неоднократные жалобы рабочих в рудком не помогали. Там заявляли, что Некрасов—специалист, и его, мол, нельзя снимать с работы.

Кувалдин — механик Несветая — «парамоновский шпион», как называли его рабочие, вредил по мере сил и получил за это 8 тыс. рублей. Заведывал работами по прокладке шахты № 2. Его предупреждали и на производ-

ственном совещании и отдельные рабочие, что при первой весенней воде прокладка будет затоплена. Рабочие требовали от него принятия мер. Он запрещал им «вмешиваться не в свое дело», и при первой же весенней воде прокладка была затоплена. К рабочим Кувалдин был настроен весьма недоброжелательно. Когда свидетелем Красовым был изобретен весьма ценный насос для откачки воды, Кувалдин высмеял его и даже оскорбил. А когда изобретение все же потом было использовано, то оно значительно облегчило подземные работы.

Щербиновка.

В Щербиновском рудоуправлении работала крепко сплоченная вредительская пятерка: главный инженер Щербиновки Д. Сущевский, его помощники Одров, Семенченко, Стояновский, Люри. Это были «свои» люди, уверенные друг в друге. Так, Одров был принят на Щербиновский рудник Сущевским, его давнишним знакомым.

Об'ектами вредительской деятельности были три крупных шахты Щербиновского рудоуправления— Центральная, «Артем» (бывший Нелеповский рудник) и «Северная». Эти шахты принадлежали ранее акц. общ. для разработки каменной соли и угля на юге России. Директором правления был в царское время Дворжанчик.

Хотя Сущевский занимал должность главного инженера Щербиновского рудоуправления, был местным работником его, но его вредительская деятельность далеко выходила за пределы Щербиновки. Это не помешало тому, что вредительская работа на Щербиновке проводилась энергично, — для этого у Сущевского на Щербиновке были хорошие помощники в лице Одрова, Стояновского, Семенченко и др., а Сущевский лично проверял, проводятся ли

директивы Дворжанчика. Сущевский присутствовал на совещаниях харьковского и московского центров, выступал там с докладами, ездил в заграничные командировки, налаживал связь с эмигрантскими торгово-промышленными и политическими организациями бывших собственников, перевозил из-за границы письма и деньги, ведал распределением денег среди членов организации. Крыленко недаром назвал Сущевского «групповым организатором».

За деятельность на Щербиновке вредительская организация вознаградила Сущевского повышением по службе: его перевели в УНС (Управление новым строительством Донугля).

Предложение заняться вредительством Сущевский получил от «самого» Дворжанчика (через Бахтиарова). Директивы Дворжанчика являлись, собственно, инструкцией с'езда горнопромышленников юга России, ныне существующего в Париже. Инструкция указывала, что следует организовать группу, содействующую старым хозяевам в смысле сохранения принадлежавших им ранее предприятий. Инструкцию эту Сущевский передал «групповому директорату». Она обсуждалась на квартире у Бахтиарова. Осуществлением этой инструкции в масштабе всего Донбасса в дальнейшем занялись Матов, Бахтиаров и др. Сущевский занялся проведением директив Дворжанчика в масштабе Щербиновки.

Все делалось на Щербиновке, как хотел Дворжанчик. Все его планы и указания выполнялись в точности, так же как указание, что на случай интервенции следует так подготовить все силовое хозяйство на рудниках, чтобы оно выбыло в нужный момент из строя.

Но директива Дворжанчика о замене электрической энергии паровой не могла быть выполнена без того, чтобы

не вызвать скандала (была установка на электрификацию); пришлось на этот раз ослушаться Дворжанчика.

Исполняя директивы Дворжанчика, вредители были не прочь потребовать от него за отдельные экстра-ординарные акты вредительства и добавочную плату. В 1926 году вредители пошли на закладку шахты «Новой». Дворжанчик, заботясь о «своей» Щербиновке, был очень заинтересован закладкой этой шахты.

Вредители, составляя проект шахты «Новой», решили заручиться одобрением хозяина, а кстати и добавочной подачкой. Проект был составлен. Сущевский, находясь в Берлине, в заграничной служебной командировке, передал проект Дворжанчику. Последний в письме прислал вредителям свои поправки к проекту, а затем 4.000 руб. (кроме регулярного жалования).

В числе директив Дворжанчика была и директива о пуске в ход мелких шахт в Щербиновке в качестве «оттягивающего пластыря», отвлекающего внимание от необходимости повысить добычу угля в крупных шахтах.

Вместо улучшения и переоборудования 3 основных мощных шахт Щербиновки (с общей годовой добычей до 70 млн. пудов), Щербиновские вредители, следуя директиве Дворжанчика, начали затрачивать десятки тысяч на закладку 12 мелких шахт, которые в совокупности давали 20 млн. пудов. Закладка мелких шахт была совершенно нерациональна: в шахте «Соловьевка» оказался уголь скверного качества, шахта «Малая Карабанка» была заведомо заложена в том месте, где она должна была оказаться затопленной и т. д. В то же время при участии одного из щербиновских вредителей — инж. Одрова — в центральной шахте были скрыты мощные угольные пласты, которые не разрабатывались.

В результате работы вредителей ни на одной из 12 мелких шахт, заложенных в Щербиновке за 2-3 года, до сих пор не добыто (по тем или иным обстоятельствам) ни одного пуда угля, хотя в оборудование каждой из них вложены значительные деньги.

Все мелкое шахтное строительство проходило на Щербиновке под руководством вредителя инж. Стояновского, которому принадлежит изречение: «Дурак Дворжанчик, даром платит деньги».

Но Дворжанчик был отнюдь не дурак. Он зорко следил за «своей» Щербиновкой. В 1925 г. тот же Стояновский открыл ценные угольные месторождения шахты № 5. Дворжанчик был немедленно поставлен в известность об этом открытии. Шахта № 5 была начата вредителями проходкой, затратили 300.000 руб., затем дело было брошено на полдороге, и, таким образом, в случае «пришествия» Дворжанчика на Щербиновку его ожидали в шахте № 5 ценные угольные месторождения в 150 млн. пудов.

Правой рукой Сущевского на Щербиновке во всех вредительских делах был его помощник, инж. Одров. Последний, как и все вредители, получал деньги от Бахтиарова («Вот вам Дворжанчик премию прислал. Получайте и молчите»).

Кадиевка.

Кадиевка представляла огромное поле деятельности для вредительской организации. Здесь — центр коксовой промышленности. До войны коксовые печи Кадиевки по мощности считались вторыми в мире.

На Кадиевском руднике — своя вредительская тройка: главный инженер Соколов, заведующий крупнейшей шах-

той рудника («Ильич»), Бояринов и главный механик Иван Некрасов. Во главе — инженер Соколов, упорный, осторожный, настойчивый вредитель.

Соколов на суде рассказал о 8 мелких шахтах, из коих 7 оказались абсолютно негодными, не могли дать и пуда угля. На эти мелкие дела было затрачено 800.000 рублей.

Но он не брезговал и крупными делами. Центральный рудник Кадиевки подлежал ремонту — спешному и капитальному. Переоборудование рудника при Соколове началось, но за три года его работы оно было выполнено всего лишь в 10 процентах. Когда он ушел, он оставил рудник в отчаянном положении.

Это не все. Вредительская его деятельность была многообразна. Она шла по трем основным линиям: непосредственное руководство вредительской деятельностью на рудоуправлении, организация связи с вредительскими центрами и внимательный подбор технического персонала, который одновременно был и вредительской группой.

У Бояринова была специальность, дорого ценившаяся во вредительских кругах. Он был специалистом по медленной откачке затопленных пластов. Пласт можно было откачать в два месяца. Вредители видят, что придется откачать, если не принять экстренных вредительских мер, посылается Бояринов, и пласт откачивается в год, а то и больше. Бояринов может даже гордиться получением специального письма от Дворжанчика с просьбой тормозить откачку на Байракских рудниках. Это было выполнено.

Так как управляющий рудоуправлением Коробкин настаивал на том, чтобы поднять Кадиевку на высоту заграничных предприятий, то было решено разработать проект переоборудования шахты «Ильич», все сооружения которой имели в это время достаточно потрепанный вид. Соста-

вление проекта поручили Бояринову. Бояриновский проект переоборудования шахты был утвержден техническим советом Донугля в недоработанном виде.

— На бумаге, — рассказывает Соколов, — все выходило очень быстро, а на деле получалось очень скверно.

По предложению Матова, была сделана большая электровозная камера, стоимостью свыше 90 тысяч рублей. Камера была совершенно не нужна, поскольку не было электровозов, а пока изготовляли электровозы, уголь уже был выработан.

6. Харьковский и московский центры.

Как мы уже отмечали, вредители не ограничивались в своей деятельности отдельными рудниками и рудоуправлениями. Они создали крепкую вредительскую группу в правлении Донугля, в Харькове, — так называемый «Харьковский центр» вредителей.

Харьковский центр развился так же, как это было и с рудничными организациями, из индивидуальных связей отдельных инженеров со своими хозяевами.

Впоследствии же он развернулся в организацию, охватившую через Харьков своим руководством всю вредительскую периферию Донбасса и вступившую через Париж в непосредственный контакт с вышеуказанными зарубежными организациями эмигрировавших из СССР капиталистов.

Харьковский вредительский центр являлся главным штабом вредителей. Отсюда велись сношения с заграницей, сообщались сведения, получались директивы, принимались меры к осуществлению их на местах и проч.

На местах, на рудниках, большими политико-экономическими вопросами вредители не занимались, — там

были мастера вредительского дела, твердо помнившие, что каждое затопление шахты важнее дюжины контр-революционных программ.

Иное дело — Харьков. Там, в правлении Донугля, вредители решали судьбы угольной промышленности. Проекты, сметы, схемы, совещания, командировки за границу, приглашение технической помощи из-за границы, консультации, закупки, — всюду можно проследить или прямое влияние, или косвенное отражение директив старых хозяев.

Матов на суде показывал:

— На рубеже 1925 — 1926 гг. основным узлом организации был директорат Донугля, т.-е. те лица, которые имели (каждое в своем ведении) определенный производственно-оперативный участок. Вторым основным рычагом организации, руководившим привлечением членов на периферии, был групповой директорат. Третьим рычагом сделался УНС и отдел иностранных заказов. Все вместе составляло центр организации.

По словам Братановского, видного участника харьковского центра, в организации обсуждались вопросы об увеличении себестоимости, о методах антисоветской агитации, об интервенции, о внутрипартийном положении в ВКП(б), словом, все злободневные вопросы текущей политики и практические вопросы каменноугольной промышленности.

Братановский раз'ясняет, что при обсуждении вопроса об интервенции среди вредителей обнаружились два течения — сторонников и противников интервенции.

Среди шахтинцев вопрос о продаже секретных данных иностранцам не возбуждал сомнений.

Закордонная связь организации налаживалась постепенно. Рубанович был представителем организации в Германии, Юсевич — во Франции, а роль передаточной инстанции играл Будный. Связь постепенно укреплялась, финансовая помощь все более увеличивалась. Связь с заграницей поддерживалась членами организации, командируемыми Донуглем за границу; в частности, Бояршинов, Бахтиаров, Детер, Чинокал и Матов по возвращении из заграничных командировок всегда информировали руководящую группу о результатах поездок и о встречах с бывшими хозяевами. Организация была связана с тремя заграничными группами: с осколками совета с'ездов горнопромышленников и обществом б. владельцев русских предприятий во Франции («парижский центр»), с польским об'единением б. углепромышленников во главе с Дворжанчиком и, наконец, с некоторыми германскими фирмами, выполнявшими заказы Донугля, а также с несколькими государственными деятелями некоторых иностранных держав.

Харьковская организация направляла во Францию и в Польшу сведения. В этих сведениях сообщались цифры о добыче, о мощности пластов, их качестве, газовости рудников, падении пластов, глубине шахт, состоянии оборудования и механизации, числе рабочих и т. д. По этим сведениям старые владельцы могли составить отчетливое представление о состоянии предприятий и, следовательно, давать конкретные указания каждому рудоуправлению.

При этом вредители старались для заграницы получить более точные и более свежие сведения, чем те, которые имелись в рудоуправлениях, а для этого собирали эти сведения непосредственно, как показывал на суде обвиняемый Братановский.

— Я приезжаю на рудники, являюсь в контору. Я — инженер из Донугля. Стало-быть, в некотором роде ревизор. От меня могут пожелать скрыть какие-нибудь недостатки. А если даже не скроют, то просто по чиновной халатности могут что-нибудь забыть, какие-нибудь сведения могут оказаться старыми, какие-нибудь отчеты необработанными, какие-нибудь цифры неполными. Так ведь, работают у нас в трестовских конторах! И вот в сопровождении Некрасова я иду по шахтам. Некрасов все знает, у него свежие данные, свежие цифры.

Передавались за границу и сведения о результатах вредительской работы с точки зрения подготовленности к расстройству тыла на случай войны и интервенции: план поверхности, с указанием железных дорог, станций и грунтовых дорог и проч.

Тут работа вредителей упирается в шпионаж. В полученном Бояриновым в 1927 г. письме от Дворжанчика были директивы на случай войны: повреждение водоотлива, порча электростанций и вентиляции.

В числе других пунктов программы деятельности харьковского центра мы находим и помощь в случае войны врагам СССР расстройством тыла, прекращением добычи, разрушением или затоплением рудников, прямыми диверсионными актами.

Харьковская организация в числе своих главнейших задач имела не только сохранение в возможно большей неприкосновенности наиболее ценных недр и машин, но и такое ведение рудничного хозяйства Донбасса, которое в максимальной степени открывало бы путь к возврату бывшим хозяевам утерянных ими в результате Октябрьской революции предприятий, хотя бы и под прикрытием концессионных договоров, заключенных, однако, в условиях наибольшей выгоды для концессионеров.

В 1925 г. возник вопрос о концессиях в Донбассе — Бахтиаров, Матов, Детер и Мешков решили посильно помочь «сдвинуть вопрос о концессиях с мертвой точки». Главное затруднение заключалось в том, что концессионерам предлагались невыгодные участки. «Исправить линию соввласти» и взялись упомянутые вредители. На этом собеседовании Мешков выдвинул, как об'екты для концессии, два смежных рудника, которые как по качеству своего угля, так и по выгодности своего местоположения и богатству перспектив имели все шансы прийтись по вкусу концессионерам.

Концессионная политика шахтинцев заключалась в том, чтобы за счет последних наших скудных ресурсов приумножить достояние бывших хозяев. Это—антисоветская, антиконцессионная политика врагов рабочего класса, рвачей-капиталистов.

Напомним, что Матов так сформулировал одну из целей вредительства:

«Доведение рудничного хозяйства Донбасса до такого состояния, при котором советское правительство было бы вынуждено сдать рудники в концессию иностранцам или вообще капитулировать перед капиталом».

Харьковский центр работал по заграничным директивам, по директивам б. хозяев, б. совета с'ездов горнопромышленников юга России. Среди этих директив была получена и директива в короткий срок заложить 20 мелких шахт. Это было проведено вредителями через членов группового директората (состоявшего исключительно из вредителей), об'езжавших рудоуправления, и было проведено с такими убытками для Донугля, что вредители могли быть вполне довольны. Нерациональность такого мелкого шахтного строительства была очевидна и для рабо-

чих: она вызвала ряд неоднократных протестов со стороны рабочей массы, указывавшей на недопустимое ведение шахтного мелкого строительства, предупреждавшей о неизбежном затоплении одних шахт (например, № 10 на Щербиновке), о неизбежной убыточности других (например, шахты «Соловьевки», продукция которой не имеет сбыта, благодаря своему низкому качеству).

Донуголь решил форсировать строительство новых шахт. Возникает бюро по проектированию; вскоре бюро преобразовано в проектный отдел, во главе его становится Матов, а Братановский назначается его заместителем. Затем проектный отдел становится частью Управления нового строительства (УНС).

Все это проходит в советском порядке, а перед этим состоялось совещание руководящей вредительской верхушки, при чем было решено, что сначала в проектном отделе надо работать, как следует, а затем уже перейти на путь волокиты и вредительства, а впоследствии воспользоваться плодами этой работы уже в целях вредительства. Тут же было решено усилить проектный отдел назначением Матова.

Матов дал своему помощнику Братановскому инструкцию разрабатывать проекты с вредительской медленностью.

Назначается III сессия технического совета Донугля. Перед сессией состоялось новое совещание о проектах вредительской организации. Братановский доложил совещанию о проектах, которые технический совет должен обсудить. Вредительское совещание решило задерживать проекты всеми силами, — и это было выполнено (громадное число все новых и новых вариантов, а также длительные споры при их обсуждении). «При том же

наши специалисты, — говорит Братановский, — любят поспорить, и было легко воспользоваться этой их склонностью».

Об'ектами нового строительства должны были быть в первую очередь шахта № 29 (Рутченковская), «Ильич» (Кадиевка), «Карл» (Хрустальная), Киселевка (Чистяковская), шахта Скачинского (Несветаевка), Новая Щербиновка, Сорокинская и др. По всем этим шахтам было составлено много вариантов, проекты по нескольку раз проходили через технический совет, а результаты по всему этому строительству оказались ничтожными.

Наряду с этим в проектном бюро УНС велись работы по заведомо фантастическим проектам, как, например, проект шахты «Американка» Джоя, стоивший, однако, значительных затрат; составлялись проекты с излишней по своей тщательности отделкой. Советский инженер дал хороший проект Сорокинской шахты. Вредители по хорошему проекту составили явно преувеличенные сметы, взвинтивши цены на разные материалы, и получили невероятно высокую стоимость всего проекта.

Организованный при Донугле Технический совет, имевший экспертно-консультационный характер, дававший заключения по представляемым ему УНС проектам, в большинстве случаев оказывался не в состоянии ни вскрыть, ни предотвратить тех вредительских тенденций, под влиянием которых строилась и протекала вся основная работа УНС. В Техническом совете организация имела своих членов, как Рабинович, председатель совета, и главных инженеров, которые докладывали проекты отдельных рудоуправлений.

Характеризуя эту работу, заведующий подотделом Соколов говорил: «В общем, работа велась по хорошо органи-

зованному плану, в целях бесполезной растраты государственных средств для получения в итоге результатов гораздо меньших тех, которые можно было бы ожидать».

Из харьковского центра шли директивы в рудоуправления о проведении «механизации дыбом» и о заострении рабочего вопроса, чтобы сделать его, по выражению Бояршинова, «колючим» и проч.

Между харьковским центром и заграничным советом с'ездов горнопромышленников юга России все время была оживленная связь не только письмами, но и путем весьма частых служебных командировок за границу вредителей. Отправляясь за границу, вредители получали от организации определенные поручения. Вернувшись из заграничной поездки, шахтинцы обычно делали отчетные доклады харьковскому и московскому центрам.

Так, обвиняемый Юсевич совершил две заграничные поездки (разумеется, под видом заграничных служебных командировок от Донугля). Перед первой поездкой, Юсевичу было дано поручение установить в Париже связь с бюро бывшего совета с'ездов горнопромышленников юга России. Встретившись с Соколовым, управляющим делами совета с'ездов, Юсевич передал ему пакет от Матова, в каковом заключались сведения о состоянии крупных шахт Донбасса. Был затем приглашен Соколовым на заседание «бюро», где присутствовали бывшие хозяева, и сделал доклад на заседании. Перед от'ездом из Парижа вновь посетил бюро, получил там 100 тыс. франков, каковые и отвез в Харьков и передал Матову. За передачу получил от Матова 500 рублей.

Вторую поездку Юсевич совершил вместе с Матовым, которому и принадлежала первая роль. В бюро парижского совета с'ездов горнопромышленников юга России

Матов сделал доклад о вредительской работе в харьковском центре и на периферии. Он рассказывал об управлении нового строительства, о постройке новых шахт. Совещание выказало особый интерес к шахтам, принадлежавшим когда-то французам, — Щербиновка, Ирмино и др. Матов замечал, что члены совещания как бы уже «ощущают эти шахты вновь своими». Совещание постановило дать харьковскому центру директиву всячески задерживать окончание новых шахт.

Затем Соколов, «первенствующий», держит политическую речь. «Наша задача — организовать давление на Францию с тем, чтобы обострить ее отношение с СССР».

Соколов прямо ставит вопрос о том, чтобы «склонить Францию к военным действиям против СССР». В соответствии с этим, — подчеркивает он, — работа «нашей харьковской организации» приобретает особое значение.

Затем Матов встречается с одним из бывших французских промышленников, Сансе, которому принадлежала Щербиновка. Сансе дает «индивидуальную» директиву— задержать пуск в ход новой шахты путем переделки копра. Вместе с Юсевичем Матов отправляется к Соколову за деньгами. Они получают 500 тыс. франков и возвращаются в СССР.

Инженер Казаринов, зав. иностранным отделом правления Донугля, состоя членом вредительской организации, был откомандирован в Берлин с комиссией тов. Коробкина. Он работал в комиссии Донугля по закупке заграничного оборудования. Здесь он видел, что, хотя внешне работа была хороша, но были допущены непростительные ошибки. Ошибки усугубились еще тем, что Харьков всячески замедлял присылку необходимых для закупки данных и спецификаций. Казаринов приводит вопиющие

факты деятельности этой закупочной комиссии — покупались машины, хотя и дешево, но совершенно ненужные, необходимые данные брались «с потолка».

Работа комиссии закончилась, Казаринов был оставлен в Берлине для дальнейших закупок.

Вскоре Казаринов получает из Харькова директивное письмо. Ему диктуется определенная система поведения: стараться покупать как можно больше и ставить как можно далекие сроки поставки. Ему предлагается установить связь с Башкиным, сотрудником русского отдела АЕГ в Берлине (всеобщая кампания электричества), братом шахтинского вредителя. Башкин явился к Казаринову, рассказал о своей связи с Дворжанчиком, со своим братом (из Власовского рудоуправления) и заявил, что в организацию входит заведующий русским отделом АЕГ Блейман.

Вскоре Казаринов получает письмо от Дворжанчика. Тот просит о свидании с ним. Казаринов соглашается, и происходит совещание в русском отделе АЕГ между Блейманом, Дворжанчиком, Башкиным и Казариновым. Казаринов докладывает о полученных директивах и принимает участие в обсуждении вопроса о дальнейших средствах связи. У Казаринова была беседа и с Дворжанчиком («Дворжанчик говорил о советской власти с бесконечной злобой»,— говорит Казаринов).

Из показаний Матова, являвшегося главным организатором всего вредительского дела, видно последовательное развитие организации и естественность возникновения, кроме харьковского центра, и московского.

Матов относит начало организации к 1924 году. Но 1924 год был еще подготовительным годом. Получались деньги, давали за границу сведения, но все это было случайно.

С 1925 года иная картина. Вместо персональной связи, которую практиковал Дворжанчик с отдельными вредителями, согласно полученным из-за границы инструкциям, создается новая централизованная связь, не отдельных вредителей, а всей организации, и не с Дворжанчиком, а с бюро бывшего совета с'ездов горнопромышленности в Париже. Второй момент, это — изменение структуры вредительской организации. Стало сильно расти и в своем составе и по об'ему своих функций харьковское ядро, сильно разрослась периферия. Рост этот был вполне естественным. Значительная часть вредителей на местах имела уже сношения с тем же Дворжанчиком, и оказалось очень легко сорганизовать их. К концу 1925 года организация могла числить своими членами большинство главных инженеров и ответственных работников рудоуправлений.

В 1926 г. появляется связь с Москвой. Посланец из Москвы Скорутто делает доклад о создании московского центра. Москвичи интересуются работой харьковцев. Появляется мысль о расширении работы на новые области, идут разговоры о возникновении ячеек, организации вредительских групп в других трестах.

В середине 1926 года новый доклад Скорутто: работа московского центра уже получила большое развитие, он имеет свои ответвления на местах. Москвичи уже начинают претендовать на функции главного центра в области связи — и в СССР — и за границей. Со стороны харьковцев это не встречает возражений.

Осенью 1927 года Матов отправляется во «вредительски-деловую» поездку за границу. Перед поездкой два совещания: одно—вредителей Донугля, другое с участием представителей вредительских ячеек других трестов. На

совещании дебатируются и решаются вопросы о заграничной деятельности Матова, об установлении им единой связи с Парижем. Матов едет. По пути, в Москве, он информирует московский центр о решениях Харькова, о целях своей поездки.

Московская группа должна была об'единить под своим руководством вредительскую деятельность ряда образовавшихся в разных наркоматах и трестах вредительских ячеек.

К составу московской группы принадлежал ряд лиц, из которых многие в виду их наибольшей связи с харьковской группой были привлечены в качестве обвиняемых по настоящему делу — Именитов, Рабинович и Скорутто. Из них Рабинович в свое время был почетным членом совета с'ездов горнопромышленников юга России, а Именитов и Скорутто — членами того же совета. В Москве организация через Скорутто (зам. директора Угольного директората Главгортопа) закрепилась в Главгортопе, т.-е. в ВСНХ СССР.

Подсудимый Скорутто сообщил суду некоторые подробности о том, как осуществлялись связи с польским об'единением совета с'ездов горнопромышленников, а затем и с французскими промышленниками и назвал два учреждения, через которые связь с этими организациями осуществлялась до начала 1927 г. Скорутто сознался, что он лично принимал участие в осуществлении этой связи, передавая пакеты со сведениями и получая деньги. Кроме себя, Скорутто назвал еще одно лицо, находящееся сейчас под следствием по другому делу, которое он обычно замещал в такого рода «работе». Скорутто назвал два места, где у него происходили встречи с известными лицами и передавались письма и деньги. Оба эти места

были вполне легальными советскими учреждениями — банком и почтой. Лицо, с которым они встречались, если оно было неизвестно, должно было подавать заранее условленный знак. Лица эти были иностранцы. Таким путем организацией были получены большие суммы. Ежемесячно проходило до 40 тысяч рублей.

Раскрытие Шахтинского дела и затем энергичная работа ГПУ по раскрытию Донуглевской организации дало возможность ликвидировать работу московского центра раньше, чем он сумел широко развить свою работу.

7. Уроки Шахтинского процесса.

Шахтинский процесс является дальнейшим фазисом расслоения нашей интеллигенции вообще, инженерно-технической интеллигенции в частности. Классовая борьба между пролетариатом СССР и международной буржуазией продолжается. «Кто кого? Чья возьмет?» —сформулировал эту борьбу В. И. Ленин еще на 2-м с'езде политпросветов. Интеллигенция самостоятельной силой, разумеется, не является, и шахтинский процесс, вновь и вновь, но с еще небывалой яркостью и резкостью поставил перед интеллигенцией вопрос: с кем она? Хочет ли она быть приказчицей международной буржуазии, купившей за полмиллиона рублей полсотню шахтинцев? Хочет ли она содействовать этой буржуазии в ее борьбе с СССР за право на эксплоатацию и на прибавочную стоимость, — или же отдаться делу социалистического строительства в СССР, помогать пролетариату преодолевать трудности, творить новую жизнь?

Есть у интеллигенции и третий путь, или, вернее, распутица. Это — путь нейтральности, пассивности, интеллигентского скептицизма под маской об'ективности, обы-

вательских колебаний, неверия и формального отношения ко своим профессиональным обязанностям. Этот путь неминуемо ведет к загниванию, интеллектуальному и моральному. Если этот удел и неизбежен для некоторой части нашего инженерства, безнадежно застрявшей в прошлом веке, не могущей даже мысленно войти в русло строительства социализма, — то все энергичное и деловитое, имеющееся в старом инженерстве, увидя картину обывательско-мещанского разложения инженерства, явленную Шахтинским процессом, в ужасе отшатнется от этого болота и неминуемо перейдет в ряды советских инженеров.

Отнюдь не случайно, что за месяц до Шахтинского процесса состоялась в Москве 1-я всесоюзная конференция «Варнитсо» (Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству), об'единившей значительное число видных беспартийных ученых и инженеров.

Этот процесс «полевения» надо и впредь ускорять и форсировать. В этом отношении весьма знаменательны слова председателя Совнаркома, А. И. Рыкова (заседание сессии ВЦИК'а от 16 апреля 1928 г.):

«Мы слабо используем различие в отношениях к нам отдельных групп специалистов, не используем в достаточной мере наметившегося процесса расслоения среди самих специалистов. Один из выводов шахтинского дела, мне кажется, заключается в том, что нужно сделать еще один шаг вперед в сторону большего сближения советской власти и наших массовых организаций с той частью специалистов, которая искренно и добросовестно работает с советской властью над развитием производительных сил страны. Сблизившись с этой группой, мы сможем легче

контролировать и учитывать всю работу по реконструкции хозяйства и проверять тех специалистов, которые не совсем надежны. Во всяком случае, тогда легче будет отличать врага от друга, чем это было до настоящего времени».

Проведенный при самой широкой гласности (десятки тысяч трудящихся посетили зал суда во время процесса), процесс явился призывом к творческой совместной работе для всех тех представителей технической интеллигенции, которые работают на наших предприятиях. Жалкие и позорные минуты, которые пришлось пережить вредителям, должны послужить предостерегающим уроком для всех, кто еще колеблется, и сплотить еще крепче в единую семью всех тех, кто честно и добросовестно принес свои знания и труд на помощь рабочему классу и хочет творить и помогать ему в деле создания социалистического будущего.

Шахтинский процесс явился также призывом к бдительности, к самокритике, к борьбе с разгильдяйством, халатностью. Об этом говорит апрельский пленум ЦК и ЦКК ВКП(б):

«Вопиющие недостатки и ошибки в нашей хозяйственной работе и в самой системе хозяйственного управления, притупление коммунистической бдительности и революционного чутья наших работников в отношении классовых врагов, неудовлетворительность работы по вовлечению рабочих масс в дело руководства производством, отрыв руководящих органов массовых организаций, профессиональных и партийных, от повседневных нужд и запросов рабочих и явная слабость партийного руководства хозяйственным строительством» — содействовали столь длительному безнаказанному вредительству контрреволюции.

Этот анализ не только указывает причины, но и указывает уроки Шахтинского процесса, конкретные меры для борьбы с вредительством.

Мне, как председателю ВМБИТ'а, хочется остановиться здесь на уроках Шахтинского процесса для деятельности ИТС.

В связи с Шахтинским делом ВЦСПС на своем пленуме поставил мой специальный доклад о деятельности ИТС. Я дал отрицательную оценку работе инженерно-технических секций и указал, что сейчас надо раз'яснить всей инженерной массе необходимость широкой советской общественности, чтобы каждый инженер сознавал себя участником общего социалистического строительства. В этом основное назначение секций ИТС. Нужно, наконец, сломить существующую еще разобщенность между специалистами и рабочими и создать тесную смычку между ними.

В прениях по моему докладу выступил тов. М. И. Томский. Он указал на следующие первоочередные вопросы:

«Сейчас основной вопрос для нас — дальнейшее руководство работой среди инженерства. В свое время мы пошли на уступки, признали, что инженерство представляет собой своеобразный слой и нуждается в своеобразной организации (ИТС). Но никогда мы не считали такой тип организации идеалом. В самом деле, в чем заключается своеобразие инженерства? В приверженности к старым предрассудкам, в пережитках прошлого, в «великолепном презрении» к рабочим. Мы не требуем от инженеров определенных политических убеждений, но мы считаем необходимым добиваться в совместной работе, чтобы эта щель между рабочими и инженерством все уменьшалась.

Говоря о совместной работе, мы отмечаем, что она должна итти по союзной и производственной линиям.

Секции инженеров мы создавали не только для того, чтобы они исключительно занимались улучшением материального положения инженеров. Мы их строили для того, чтобы они путем систематической работы уничтожали пропасть, существовавшую в прошлом между инженерами и рабочими, чтобы они втягивали инженерство в хозяйственное строительство. Вот здесь говорилось, что в глубине провинции инженерам трудно работать и у них опускаются руки. Ну, а рабочему, хотя бы на том же Урале, сладко ли работать? Не сладко, но только у него нет такой возможности, как у инженера, — бросить все и уехать на другой завод. Сейчас становится все труднее работать и рабочим, так как мы переходим к уплотненной работе, вводим конвейеры, интенсифицируем труд. И от инженера требуется, чтобы он все больше шевелил мозгами и распутывал все те затруднения, с которыми мы встречаемся. Оттого у них и опускаются руки, что они постоянно думают, где можно было бы устроиться получше. Мы должны добиться, чтобы этот вопрос перестал быть самым важным вопросом для инженерства. Нужно дать отпор обывательским настроениям.

Мы должны обеспечить инженерам чуткий подход к ним. Мы не можем требовать, чтобы все были коммунистами. Мы удовлетворимся добросовестной и лояльной работой на пользу рабочего класса и лояльным отношением к своему профсоюзу. Но рваческим настроениям мы должны дать и моральный, и организационный отпор. Вот стоящие перед нами задачи».

В принятой резолюции пленум ВЦСПС указал, что шахтинское дело с особой остротой вскрыло крупнейшие

недостатки в работе ИТС и поставило перед всеми профорганизациями вопрос об изменении методов и форм руководства работой среди инженерно-технических работников. ИТС не только своевременно не вскрыли перед рабочим классом факта явного вредительства, но в отдельных случаях оказались под руководством вредителей, что свидетельствует об отрыве ИТС от общественных организаций и о полном невнимании последних к работе ИТС.

Между тем, инженерно-технические работники в своей массе не только не враждебны общим задачам рабочего класса и советской власти, но представляют собой быстро растущую силу, ставшую твердо на путь активной работы вместе со всем пролетариатом и советской властью.

Одной из главнейших задач ИТС, помимо наилучшего обслуживания инженерно-технических работников, является наиболее тесное и полное сближение инженерства с рабочей массой в целом и вовлечение инженерства в активное и сознательное строительство социализма.

Учитывая это, пленум ВЦСПС предложил всем ЦК союзов вплотную подойти к работе ИТС, осуществляя планомерное руководство ими; поставить перед профсоюзами и ВМБИТ задачу возглавления ИТС работниками, преданными делу социалистического строительства; ВМБИТ совместно с ЦК ИТС и с заинтересованными наркоматами поручено рассмотреть систему мероприятий по повышению квалификации специалистов, организовать групповые экскурсии и командировки отдельных специалистов на лучшие предприятия СССР, в научно-исследовательские институты и лаборатории, урегулировать дело заграничных командировок, поставить широкое ознакомление специалистов, командируемых за границу, с достижениями заграничной науки и практики,

улучшить работу курсов по повышению квалификации, поставить на должную высоту приглашение иностранных специалистов, поставить перед хозорганами вопрос об издании оригинальной технической литературы, а также организовать во всех крупных промышленных городах клубы инженеров, оказывая им материальную поддержку из общесоюзных средств.

Решено поставить перед ИТС задачу всемерного развития широкой критики и самокритики внутри секций, как технической, так и общественной.

Эта резолюция еще более уточнена в последовавшем затем «Информационно-директивном письме ВЦСПС № 9» («Труд» от 8/VII—28 г.). Заимствуем из письма нижеследующие строки:

«Недооценка профорганизациями роли и значения инжетехсекций и ответственность, ложащаяся на профсоюзы в связи с задачей вовлечения ИТС в общий круг интересов рабочего класса, побуждают ВЦСПС поставить в центре внимания профсоюзов на ближайший период вопрос о необходимости усиления работы среди инжтехработников. Союзам необходимо не только усилить политическую работу среди инжтехсекций, но, максимально улучшая свое руководство деятельностью инжтехсекций, осуществлять его не время от времени, а систематически, изо-дня в день.

Равным образом, необходимо шире вовлечь ИТС в обще-профессиональную работу, особенно в экономработу союзов путем дачи заданий по проработке тех или иных вопросов, использования ИТС в качестве представителей союзов в соответствующих учреждениях и организациях по вопросам производственно-технического характера и усиления участия ИТС в производственных

совещаниях и временных контрольных комиссиях. Профорганизации должны правильно поставить инструктирование ИТС и регулярную их отчетность профорганам об их работе.

Попрежнему неуклонно продолжая обеспечивать специалистам наиболее благоприятные условия работы, улучшением их материально-правового положения, борясь со всякими проявлениями спецеедства и максимально удовлетворяя культурные нужды инж.-технических работников, профорганизации должны ближе подходить в работе инженерно-технических работников на производстве, усилив свое критическое отношение к их мероприятиям, как администраторов и технических руководителей, чутко прислушиваясь к мнениям и предложениям рабочих на производственных совещаниях и т. п.

В то же время профорганизациям необходимо самым внимательным образом относиться к работе инжтехработников, поддерживая их инициативу и производственный размах. Нужно строго отличать неизбежные при всяком новом деле, при поисках лучшего, при применении новых методов работы, ошибки инженеров от ошибок, проистекающих от невнимательности, небрежности или злого умысла. В первом случае профсоюзы должны поддержать смелого новатора, ободрить его, защитить; во втором — никакой потачки».

Необходимо несколько полнее развить мысли, заключенные в последних строках письма ВЦСПС. Если легко об'яснить, что теперь сплошь и рядом на заводах и фабриках при всяких неполадках и затруднениях слишком часто срываются с языка слова: «шахтинское дело», то надо все же понять, что злоупотреблять этим нельзя. Это граничило бы с паникой. А между тем склонность к это-

му в некоторых горячих головах сейчас наблюдается. Легко понять, какое поле открывается в этом и для провокации. Что может быть худшим вредительством для предприятия, чем дискредитация в глазах рабочих руководящего инженерно-технического персонала намеками на «шахтинское дело». Это было бы развитием спецеедства, с которым партия и профсоюзы вели и ведут такую настойчивую борьбу, вели и ведут до сих пор успешно.

Конечно, если налицо имеется доказанный факт явной небрежности, явной халатности, а тем более сознательного вредительства, то никаких потачек и поблажек быть не должно. Но нужно иметь в виду, что при всяком новаторстве в области техники ошибки и неудачи неизбежны. Проф. Осадчий, зампредседателя Госплана СССР, выступая на суде в качестве общественного обвинителя, подчеркнул: «По одним внешним признакам между вредительством и техническим невежеством не всегда легко провести правильную границу. Отнесением в приговоре суда фактов технических ошибок к фактам вредительства можно задержать среди честно работающего в советском строительстве инженерства проявление технической инициативы и смелости творческой мысли, так необходимой в настоящее время, когда перед нами стоят труднейшие задачи реконструкции всего народного хозяйства».

Совершенно обязательно терпимое отношение к техническим ошибкам. Иначе развитие технической мысли, столь необходимое для нашего хозяйственного строительства, будет тормозиться и задерживаться.

Среди некоторой части инженерства наблюдается в настоящее время в связи с шахтинским процессом известная боязнь ответственности, что влечет за собой часто формальное отношение к собственной работе. С такими

настроениями необходимо бороться. На инженерно-технические секции ложится обязанность повести соответствующую работу среди инженерно-технических масс.

Спокойный, уверенный общественно-рабочий контроль, без излишней нервозности, без создания невыносимой атмосферы — вот, что нам нужно и чего вполне достаточно.

Письмо ВЦСПС указывает также и на то, что «Шахтинское дело поставило перед рабочим классом вопрос об ускорении подготовки пролетарской интеллигенции. Несмотря на то, что за последние годы мы имеем несомненные успехи в деле улучшения социального состава студенчества, все же достигнутые результаты нельзя признать удовлетворительными».

Этого же вопроса коснулся и т. И. Сталин в своей речи от 13/VII—28 г. на собрании ленинградского партактива:

«Урок, вытекающий из шахтинского дела, состоит в том, чтобы ускорить темп образования, создания новой технической интеллигенции из людей рабочего класса, преданных делу социализма и способных руководить технически нашей социалистической промышленностью.

Это не значит, что мы отбрасываем прочь тех специалистов, которые мыслят не по-советски или которые не являются коммунистами, но которые согласны сотрудничать с советской властью. Нет, не значит. Мы всемерно, всеми силами будем и впредь привлекать беспартийных специалистов, беспартийных техников, готовых итти рука об руку с советской властью в деле строительства нашей промышленности.

Мы вовсе не требуем, чтобы они отреклись теперь же от своих взглядов или чтобы они изменили их немедленно. Мы требуем только одного, чтобы они честно сотруд-

ничали с советской властью, раз они согласились на это добровольно.

Но дело в том, что таких людей, готовых итти рука об руку с советской властью, становится все меньше. Дело в том, что абсолютно необходима для них новая смена. И вот партия считает, что новую смену надо создать ускоренным темпом, если мы не хотим оказаться перед новыми неожиданностями, и создавать их нужно из людей рабочего класса. Это и значит создать новую техническую интеллигенцию, способную удовлетворить нужды нашей промышленности.

Факты показали, что Наркомпрос не справился с этой важной задачей. У нас нет оснований предполагать, что Наркомпрос, предоставленный самому себе, справится с этой задачей в ближайшем будущем. Поэтому партия пришла к выводу, что необходимо разделить труд ускоренного образования новой технической интеллигенции между тремя наркоматами—между Наркомпросом, ВСНХ и НКПС.

Партия считает, что этот путь является наиболее целесообразным путем, способным обеспечить необходимый темп работы в этом важном деле. Отсюда — передача нескольких втузов ВСНХ и НКПС. Это, конечно, не значит, что передачей втузов исчерпывается задача ускоренного формирования новых кадров технической интеллигенции. Несомненно, что обеспечение учащихся в материальном отношении должно сыграть здесь важнейшую роль.

Поэтому советская власть пошла на то, что затраты на образование новых кадров приравняла по своему удельному весу к затратам на капитальное строительство промышленности и решила выделить добавочно на это дело более сорока миллионов рублей ежегодно».

Речь общественного обвинителя, председателя ВМБИТ'а инж. С. Д. Шеина.

Тт. судьи, процесс, который проходит перед вашими глазами, имеет большое значение и для нашего Союза, и для пролетариата всего мира. Роль интеллигенции в построении социализма после пролетарской революции не могла быть предвидена ни одним из основоположников марксизма. Нашей стране, после Октября, пришлось впервые во всем мире разрешать эту задачу практически.

То гнездо бандитов-вредителей, которое было обнаружено первоначально среди инженерно-технических работников в Шахтинском районе, а затем выявлено в угольном хозяйстве Донбасса и в других отраслях нашего хозяйства, естественно, заставило и партийные, и профессиональные организации критически отнестись к деятельности технической интеллигенции и вынести по этому поводу ряд постановлений. Позвольте сослаться на соответствующие постановления о работе инженерно-технических секций и инженерно-технических работников в конце моей речи, а сейчас разрешите перейти к тому, какую работу выполнили инженеры и техники в построении нашего хозяйства, после Октябрьской революции.

В статье «Успехи и трудности советской власти» В. И. Ленин писал: «Специалисты науки и техники насквозь проникнуты буржуазным мировоззрением. Неимущий

пролетарий от станка, крестьянин от сохи пройти университет не могли ни при царе Николае, ни при республиканском президенте Вильсоне. Наука и техника — для богатых и имущих. Капитал дает культуру только для меньшинства, а мы должны построить социализм из этой культуры... Другого материала у нас нет. Мы хотим строить социализм немедленно, но из того материала, который нам остался от капитализма, со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены, если забавляться этими побасенками. У нас есть буржуазные специалисты и больше ничего нет. У нас нет других кирпичей и нам строить не из чего». Дальше В. И. писал: «Массовым весом своим заставить буржуазных специалистов служить нам трудно, но можно. Если мы сделаем это — мы победим».

Ныне, через 10 слишком лет после Октября, основные трудности остались позади. Коммунистическая партия своим массовым весом и авторитетом привлекла специалистов к работе для построения социалистического хозяйства.

Товарищи, в тот момент, когда центр Союза (тогда РСФСР) был окружен белогвардейскими бандами и интервентами, когда в Донбассе, в центре наших энергетических ресурсов, плелась предательская паутина, многие работники науки и техники, с буржуазным мировоззрением, из-за любви к тому народу, среди которого они живут, делали действительно полезную работу. Припомните, товарищи, те трудности, которые переживала наша страна в 1918 — 20 годах. Мы жили в голоде и холоде, наши фабрики и заводы не имели топлива, не было металла, а в то же время великая Красная армия, сражаясь на фронтах, пред'явила к промышленности законные тре-

бования снабдить ее хотя бы предметами первейшей необходимости. И рабочий класс, с тем инженерством и с теми техниками, которые честно работали на фабриках, давал Красной армии необходимое снабжение и помог, таким образом, сразить врагов, откинуть их далеко и надолго, быть может, навсегда от нашего Союза — первого рабочего государства в мире.

Тех трудных условий, которые пережил центр, никогда не переживал Донбасс; там был уголь и там был хлеб. Там не приходилось работать при двух-трех градусах тепла. Однако, и в центре многие из наших ученых и техников вели свою плодотворную работу. Позвольте привести в пример проф. Г. Л. Стадникова, арестованного в Одессе, привезенного в Москву под конвоем, посмотрите, как он здесь, в химической лаборатории имени Карпова, занимается изобретением незамерзающей смазки для наших военных аэропланов и др. работами. Между тем, проф. Стадникова нельзя причислить к социалистам. Он буржуазных убеждений, но он любит свой народ, работает для него и, несмотря на свое мировоззрение, он ставит выше всего интересы того народа, среди которого он живет.

Не буду приводить других примеров, скажу лишь, что наше хозяйство поднималось таким темпом, с таким успехом, которого, конечно, не ожидали наши враги. Это было сделано трудом рабочего класса и тех инженеров и техников, которые честно и добросовестно работали вместе с советской властью.

Параллельно с ростом хозяйства шла и диференциация — расслоение инженерно-технической среды. Среди ученых и специалистов-инженеров выделилась группа товарищей, активно участвующих в социалистическом

строительстве, всецело поддерживающих советскую власть и все ее начинания. Больше года тому назад зародилась у этих товарищей идея сгруппироваться в общество содействия социалистическому строительству (ВАРНИТСО).

Последний пленум ВЦСПС, состоявшийся в июне месяце с. г., заслушав мой доклад о работе инженерно-технической секции и критически оценив работу инженерно-технических работников, вынес следующее постановление: «Инженерно-технические работники в массе своей, хотя и не представляют собой что-либо единое, идеологически целое, тем не менее в своем большинстве не только не враждебны рабочему классу, но и готовы добросовестно и лойяльно работать совместно с ним и совместно с советской властью. Среди общей массы инженерно-технических работников имеется довольно значительная группа, ставшая твердо на путь активной работы вместе со всем пролетариатом и советской властью. Эта группа является растущей силой.

Вторая значительная группа инженерно-технических работников представляет из себя группу, хотя и идущую вместе с рабочим классом вперед по пути социалистического строительства, но не изжившую ряда предрассудков и колебаний, особенно в годы затруднений. Наконец, все еще имеется, как это показало Шахтинское дело, группа, хотя незначительная, явно враждебная для рабочего класса и его советской власти, готовая сорвать, саботировать дело социалистического строительства».

После вышеприведенных примеров и резолюции пленума ВЦСПС, со всей серьезностью оценившего после шахтинских событий положение, излишне говорить что-либо в ответ на заявления подсудимых (Элиадзе и др.),

кричащих о контр-революционности всего инженерства и тех «камнях за пазухой», которые, якобы, у них всегда приготовлены против советской власти.

Позвольте теперь осветить те обстоятельства, которые привели этих 53 человека на скамью подсудимых, и те моменты, что отличали их от всего инженерства в целом.

Построение капитала на юге России было несколько отлично от капитала, работавшего в центре России. На юге России в горную промышленность были вложены преимущественно капиталы французские, бельгийские и английские. По данным В. С. Зива, приведенным в его труде—«Иностранный капитал в русской горнозаводской промышленности», в России, в 1912 г. из общей добычи угля в 806.000.000 пуд. — 769.000.000 пуд. (т.-е. свыше 95%) падало на 25 акционерных обществ, преимущественно с иностранными капиталами (франко-бельгийский-английский). Существовавшая в этом районе организация капиталистов, «О-во горнопромышленников юга России» была, в сущности, филиалом парижской биржи.

Иностранные капиталисты у себя дома получили опыт по усовершенствованной эксплоатации рабочего класса. Чтобы проводить эти приемы эксплоатации в жизнь, им нужен был соответствующий, отвечающий их требованиям служебный персонал. Проникнуть не «своим» людям на техническую службу в угольный район было невозможно. Инженеры и техники, оканчивающие школу, отсеивались весьма тщательно.

Что рассказывают обвиняемые о своих политических мировоззрениях в их студенческие годы? Большинство из них окончили высшие учебные заведения уже после 1905 года, когда студенчество диференцировалось по

своему социальному положению и по своим политическим мировоззрениям. С этого времени высшая школа резко изменила свою физиономию и перестала быть очагом бунтарства; радикально-буржуазные студенческие группировки перестали быть революционными, социалистический же элемент в высшей школе оказался в значительном меньшинстве.

Чрезвычайно характерно, что даже те из обвиняемых, которые теперь сознались в тяжких преступлениях, почему-то боятся сказать, к каким буржуазным группировкам или партиям они примыкали в высшей школе. Они просто лгут; кто не шел в то время с социалистическими партиями, естественно, был в противоположном лагере, и только такие и могли быть приняты (по окончании курса) на службу в каменноугольную промышленность. Другим туда дорога была закрыта. Обвиняемый Калнин утверждает, что он по окончании Горного института был социал-демократом-меньшевиком. Более вероятно, что он к этому времени уже совершенно отошел от «политики».

Посмотрим, что же представляло из себя в дореволюционное время инженерство Донбасса и Шахтинского района. Даем характеристику на основе их собственных слов и показаний свидетелей (по Калганову). «При капиталистическом строе мы, инженеры, являлись до известной степени обер-офицерами капитала, если можно так выразиться. Именно через нас капитал осуществлял неизбежную при капитализме эксплоатацию рабочих, а это, в свою очередь, породило известную идеологию, которая резко нас отделяла от рабочих, противопоставляла нас им».

Для использования инженеров в интересах капиталистов, последние «покупали» инженеров, платили им

высокие оклады — 400 — 750 — 1.000 рублей и больше в месяц, давали премиальные в размере 2-месячного оклада жалованья, предоставляли месячные отпуска, давали хорошие квартиры и пр.

Все это вызвало тесную связь верхушки инженерства Донбасса с капиталистами и порождало в этой верхушечной части инженерства буржуазную психологию.

Инженерство, поставленное в привиллегированные условия, не только относило рабочих к разряду низших существ, но и смотрело пренебрежительно и на техников, не выдвинувшихся на высокие посты, и не принимало их в свою среду. Создавалась своего рода инженерная каста.

К рабочим применялись самые варварские приемы эксплоатации. Здесь и речи быть не могло об улучшении бытовых условий рабочего, повышения его материального благосостояния, культурного уровня и др. Чрезвычайно характерно, что защитник подсудимого Рабиновича заявление своего подзащитного перед горнопромышленниками юга России о необходимости некоторого увеличивания жалованья рабочим, в интересах поднятия производительности труда, счел возможным демонстрировать, как светлое пятно на темном небе всего Донбасса.

Помимо варварских форм эксплоатации надо отметить и зверское отношение к рабочим: ругань и меры физического воздействия («мордобитие» и «зуботычины»).

Инженерство Донбасса, в большей своей массе, было политически безграмотно, примыкая интуитивно к буржуазной идеологии различных оттенков. Оно в процессе работы не пополняло своих технических знаний и мало интересовалось политической жизнью страны. Это были

типичные обыватели, досуг которых шел на игру в преферанс, сплетни, развлечения и др. При всем этом «гордое» сознание: — «Я — инженер, высшее существо, ко мне не подходи».

Обвиняемые говорили на суде, что высшая техническая школа (преимущественно, Горный институт) давала им технические знания, и их целью было эти технические знания использовать для усовершенствования и развития рудников и шахт. Теперь мы знаем, что эти технические знания пошли на преступные цели.

Кто из обвиняемых, тт. судьи, говорил вам, что Октябрьская революция оборвала его творческую работу на том или другом руднике, пресекла его инициативу? Никто. Их работа до революции была лишена серьезного содержания, их техническая мысль работала слабо; по существу, инженерство в Донбассе не знало творчества, как такового, не имело крупных технических достижений.

Иностранный капитал в царской России ввел такую систему эксплоатации рабочего класса, что те усовершенствованные орудия производства, которые применялись в Америке и Зап. Европе, были не нужны в России: они были бы нерентабельными при русском рабочем удлиненном дне и ничтожной зарплате.

Как была принята этой группой инженеров Февральская революция? Можно допустить, что значительное большинство инженерно-технических работников охотно отказалось от монархии и в то же время не представляло себе ясно, какой же именно политический строй должен быть в дальнейшем. Подсудимые скрывают свою политическую ориентацию за период между Февралем и Октябрем.

Начиная с первых же дней Керенщины, большевистская партия ясно и определенно провозгласила свои лозунги, и никто из работавших в фабрично-заводских предприятиях и рудниках не мог не знать этих лозунгов. Рабочий класс об'явил беспощадную борьбу капитализму. а обвиняемые проходят мимо этого, не видя того, что рабочий класс углубляет революцию, что он хочет взять власть в свои руки.

Какие же мотивы, побудившие вступить во вредительскую организацию, приводили обвиняемые здесь, на суде? Напомню показания некоторых обвиняемых.

Обвиняемый Калганов приводил следующие причины: «Раньше мы принадлежали к категории работников, резко выделявшихся по уровню материального благополучия, наша служба давала нам покой и более или менее хорошее общественное положение, а после революции мы разделили общее положение со всеми: особых привиллегий не давалось, а нужда, имевшая место в годы гражданской войны и в первый период восстановительной работы, не могла нас настроить благоприятно. Влияние имело и следующее обстоятельство: техническая интеллигенция, по сравнению с другими группами интеллигенции, была гораздо ближе к промышленному капиталу по самому своему положению. При капиталистическом строе мы являлись, в известной степени, обер-офицерами капитала. Радикальное изменение этого порядка многих из нас выбило из колеи. Для многих из нас переменить свое мировоззрение и, особенно, проявить его на деле было очень трудно. Все эти причины создали для меня и других те побудительные мотивы, которые и заставили нас встать на враждебный для пролетариата и совласти путь».

Обвиняемый Самойлов отрицает, что мотивом вступления в организацию были собственнические инстинкты, и указывает на три рода фактов, заставивших его вступить во вредительскую организацию: отношение к делу и к низовым работникам руководящих технических работников; дух корпоративности, дух взаимной солидарности, усилившийся после революции (инженерство чувствовало себя несколько ущемленным, после революции корпоративность выразилась во взаимном укрывательстве); самая организация инженеров и техников в лице ИТС. Прежде всего, об'единяемые ею инженеры нисколько не слились с массой, в некоторых случаях, даже наоборот, — ИТС давала организационный выход присущему инженерству корпоративному духу. Воспитательной работы никакой не было, призывы правительства и партии не захватывали должны образом всей массы. Словом, идеология в значительной мере оставалась прежней.

Обвиняемый Башкин приводит конкретные примеры влияния среды: вечер у инж. Калганова, собрались технические работники, злорадно говорили о гибели Донецко-Грушевского рудоуправления, подвыпивши, произносили тосты за скорое падение советской власти, пели «боже, царя храни», казацкие песни и пр.

О вовлечении в организацию говорит Казаринов: «Средствами для вербовки новых членов были: чувство товарищества, обещание в отношении продвижения по службе, поручение работ и, наконец, просто денежные посулы».

Несмотря на все оскорбления и унижения, перенесенные рабочими Донбасса при царском режиме и во время белогвардейщины от инженеров и техников, рабочие в отношении огромного большинства техперсонала не применяли методов насилия. Ряд свидетельских показа-

ний рабочих на суде говорит даже о предупредительности рабочих в отношении техперсонала. Наоборот, инженерно-технические работники, считая себя материально ущемленными, лишившись привиллегий, кастово замкнулись еще больше и не установили живой связи с рабочей массой. Инженеры, бежавшие в 1918 — 19 гг. от советской власти в Крым, на Дон и пр., стали после поражения белогвардейцев постепенно возвращаться в Донбасс. Эти инженеры вернулись обратно, не из идейных соображений (любви к родине и др.), как стараются доказать на суде обвиняемые. Они не имели возможности эмигрировать и вынуждены были возвратиться.

Осев на рудоуправлениях, где они служили раньше (может быть, в несколько иной группировке, чем раньше), они принесли с собой и новые порции яда против рабочего класса и советской власти, еще больше разложили и совершенно изолировали инженерство от трудящихся.

Инженерно-технические работники Донбасса замкнулись в инженерно-технических секциях профсоюза горнорабочих (ИТС) и сделали их орудием для защиты своих узких корпоративных интересов, противопоставляемых ими интересам рабочего класса. Эти работники сделали ИТС местом выработки методов борьбы против советской власти, превратили ИТС на рудниках и рудоуправлениях в контр-революционные гнезда. Недаром обвиняемый Самойлов называет ИТС каналом, который вел инженерство в организацию вредителей.

Иностранные капиталисты не могли допустить мысли о потере своей собственности в России, они не могли оставаться при советской власти, национализировавшей недра и орудия производства. Они ушли во-свояси, но не сомневались в кратковременности власти рабочих. Своим

инженерам некоторые из них выдали даже доверенности и под предлогом тяжелых материальных условий того времени выдали штатному персоналу субсидии, сказав при этом: «Берегите хозяйское добро». С'езд горнопромышленников юга России в Ростове-на-Дону в достаточной мере расшифровывал это лаконическое выражение; где возможно, шахты были затоплены, а где шла добыча, разрабатывались худшие пласты. Бывшие предприниматели время от времени запрашивали «своих» инженеров о положении дела на рудниках, пересылали деньги и требовали выполнения ранее данных директив.

Время шло, под напором пролетариата и распоряжений из Москвы нельзя было уже не откачивать шахт и не увеличивать добычи. Наймиты капиталистов избрали другой путь работы, они перешли на прямое вредительство: сознательно портили машины, останавливали вентиляцию шахт, не стимулировали повышения производительности труда, одним словом, применяли все свои технические знания для искусственной задержки добычи топлива, ухудшения его качества и повышения себестоимости.

Когда советская власть поставила вопрос о возможности предоставления концессий, в частности, и в угольном районе, работа бывш. собственников за границей оживилась. В Донбасс посылаются распоряжения привести участки в более выгодное состояние для приема их в концессии, т.-е. произвести все подготовительные работы, механизировать шахты и принять меры к завозу большего количества оборудования. Одновременно с этим отделения вредителей и их группы об'единяются харьковским центром. Осколки бывш. общества фабрикантов и заводчиков в Париже об'единяют интересы всех бывш.

углепромышленников, создавая единый заграничный центр и одну волю.

Обвиняемые сами заявляют, что при такой системе вредительства и его темпе к 1931 — 32 гг., в виду истощения старых разработок и неподготовленности новых, добыча топлива должна была бы сильно сократиться и вызвать кризис всего народного хозяйства Союза ССР.

Однако, вопрос о сдаче Донбасса в концессию был решен отрицательно. Жизнь берет свое. Несмотря на вредительство, живые силы пролетариата и всего Союза в целом берут верх — Донбасс развивается. Организованный французский центр поднимает вопрос о подготовке интервенции и вслед за этим дает соответствующие инструкции Харькову.

Обвиняемый Матов так изображает этапы вредительства:

1) Сохранение неприкосновенности более ценных недр и машин для эксплоатации в дальнейшем прежними владельцами или концессионерами.

2) Доведение рудничного хозяйства Донбасса до такого состояния, при котором советское правительство было бы вынуждено рудники сдать в концессию иностранцам, или, вообще, капитулировать перед иностранным капиталом.

3) В случае войны помогать врагам СССР расстройством тыла, прекращая добычу, разрушая и затапливая рудники Донбасса.

4) Пропаганда против советской власти.

Итак, инженеры-вредители из-за шкурных интересов, из-за регулярных денежных получек из заграницы от прежних хозяев, в надежде в будущем занять теплые ме-

ста у концессионеров, проделали весь цикл экономической и политической контр-революции.

Из-за интересов капиталистов эти цепные собаки капитализма продают всю родину, ставя на карту интересы многомиллионного народа рабочих и крестьян.

Как выяснилось на суде, в первую очередь в организацию вербовалась «головка» рудоуправления: заведующий рудником, главный инженер и главный механик. На обязанности этой тройки лежала обработка подчиненного персонала.

Из показаний самих подсудимых мы видим, как вербовка новых кадров вредителей идет за чашкой чая, за выпивкой, в процессе рассказывания антисоветских и антисемитских анекдотов. Больше всего действует на массу подчиненных инженеров пример самого начальства, его отношение к делу.

Все ли инженерство Донбасса было активными вредителями? Путем вопросов, заданных мною одному из подсудимых, мне удалось установить, что в наиболее разложившемся Шахтинском районе 20% всего числа инженерно-технических работников принадлежало к вредителям, при чем руководящий инженерный элемент был почти сплошь вредительский.

Поступающие в рудники молодые инженеры с советской идеологией подвергались гонениям, о чем свидетельствует ряд показаний.

— Как же ваши деяния, — спрашивал я обвиняемых,— не были заметны тем 45 инженерно-техническим работникам, которые вместе с вами работали? «Очень просто, — отвечали подсудимые, — акты вредительства не носили такого характера, чтобы их можно было сразу заметить. Обычно это была неразработка того или иного целика, или

разработка пластов, уже бывших в эксплоатации. Если работа где-нибудь шла плохо, то мы обычно говорили, что Донуголь не дает денег, что без денег сделать нельзя».

Другие обвиняемые здесь, на суде, говорили: «Ведь, горное дело — это искусство, и нужно очень тонко знать дело, чтобы можно было установить факт вредительства. Техник или инженер, работающий в том или ином уступе, не видя акта вредительства в другом месте, считает, что дело обстоит благополучно».

Но все эти россказни о скрытом вредительстве, о вуалировании вредительства просто «Филькина грамота». Инженерство, как таковое, безусловно должно было бы реагировать на все акты вредительства. Но вредительская организация, чтобы пресечь подозрение вкорне, пошла дальше: она подчинила себе ИТС, путем проведения в бюро ИТС своих кандидатов. Органы профсоюзов, долженствующие защищать материально-правовые интересы инженерства, принимать активное участие в деле построения социализма, установить братские отношения инженерства с пролетариатом, были превращены в органы, исполняющие контр-революционные задания!

Если в рудоуправлении организация стремилась захватить командные высоты: должности управляющего рудником, главного инженера и главного механика, то по линии профсоюза вредители распространили свое влияние на ИТС.

Матов говорит: «Вопрос о проникновении в бюро ИТС как в Харькове, так и на местах был поставлен на заседании руководителем организаций в обычном составе, в присутствии Кржижановского, в конце 1925 г., в начале 1926 года. На заседании было решено возможно полнее охватить бюро ИТС, с целью оказания содействия в ра-

боте организации, при чем тогда же поручено было заняться этим вопросом Кржижановскому. Затем, насколько помню, вопрос об ИТС поднимался еще раз в конце 1927 г., когда решено было проводить кандидатуру Фридмана в харьковское бюро ИТС, в качестве председателя, что удалось сделать в начале 1928 г. Я лично вопросами ИТС недостаточно интересовался, однако, слышал от Кржижановского и Фридмана, что многие из членов бюро ИТС сочувственно относились к идее, проводимой организацией в Донбассе, из чего можно сделать вывод, что политические взгляды членов бюро ИТС были недостаточно устойчивыми».

Подтверждая это, Братановский показывает: «Одной из задач организации было распространение своего влияния, по возможности, шире, чтобы быть в силе проводить свои директивы быстро, точно и безошибочно. Поэтому организация стремилась занять все командные высоты, проводя своих членов на ответственные посты. ИТС представляла и представляет собой орган, имеющий большое значение в жизни Донбасса, а потому подчинить ее влияние организации было положительно необходимо. На одном из собраний организации (не могу припомнить, где и в каком составе) обсуждался этот вопрос, при чем первой была выставлена кандидатура Матова, но он отказался, говоря, что и без ИТС у него дела черезчур много. Тогда кем-то была выставлена кандидатура другого лица, не присутствовавшего на собрании. Эта кандидатура была принята».

Конкретные акты вредительства были таковы: затопление шахт, замедление добычи продукции, неподача энергии на рудники, порча вентиляции, создание невозможных условий для работы, неправильная проходка, несо-

ответствие подготовительных работ темпу добычи, неправильные взрывные работы, непосредственная порча котлов (подача кислой воды) и машин (случаи с турбинами) и мн. др.

По роду своей деятельности заместитель начальника горного надзора, обвиняемый Антонов, не мог не знать всего происходящего. В его, правда, чрезвычайно редкие посещения рудоуправлений, ему, как горному инженеру, не могли не броситься в глаза все чинимые безобразия. Однако, он не обращал никакого внимания, мы не видим его актов воздействия.

Тот же Антонов одновременно был председателем бюро инженерно-технической секции, так что он должен был бы подойти к этим вопросам по профсоюзной линии. В этом направлении также не проявлено инициативы и не проделано никакой работы.

Примыкая к вредительской организации, Антонов, естественно, ставил себе диаметрально противоположные задачи. Его отношение к советской власти и к коммунистической партии находят отрицательную характеристику в целой серии показаний курсантов курсов администраторов-хозяйственников, где он состоял заведующим и читал курс по технике безопасности.

Будучи обязан следить за техникой безопасности, в частности, за состоянием вентиляции, Антонов ни разу не поднял этого вопроса ни в административном порядке, ни в общественном, через ИТС. Он чванливо гордился, что у него в Шахтинском районе процент несчастных случаев меньше среднего процента несчастных случаев в Донугле. Характерен случай с арестом Белецко, по случаю взрыва в шахте и смерти рабочего. Тогда инж. Антонов вместо расследования этого случая и принятия

предосторожностей на будущее время, ведет агитацию в бюро ИТС и среди инженеров и техников за бойкот должности, занимаемой Беленко. Подобранная головка бюро ИТС не дает хода молодняку и всячески заглушает живой голос. Антонов ставит себе задачей защиту инженеров во что бы то ни стало, что и об'ясняет его заключение по несчастным случаям: «по вине рабочего», «по неосторожности», «в пьяном виде» и т. д. Словом, у Антонова всегда виноваты сами рабочие. Даже когда смерть постигла рабочего из-за неизолированного кабеля, никто из администрации не был привлечен к ответственности.

ИТС не выдвинула ни у себя, ни в бюро, ни на производственных совещаниях ни одного вопроса из производственной жизни рудников, из их строительства, из мероприятий по охране жизни и здоровья рабочих. Бюро блюло кастовость и не замечало рабочих, — «черную кость». На этом фоне злой иронией звучат те «рабочие вечера», устраиваемые раза 4 в год, о которых говорил Антонов. Хороша была культурная работа среди рабочих, находящаяся в руках вредителей, — контр-революционеров, ненавидящих пролетариат и пролетарское государство!

Гр-н Антонов, а что вы и ваша секция сделали, какие меры вы и ваши инженеры приняли, когда, по показанию тов. Домненко, из шахты вынесли в обморочном состоянии 50 рабочих? Для вас формальные показания врача о смерти рабочего от разрыва сердца были достаточны, чтобы умыть руки! Поинтересовались ли вы узнать, что смерть от разрыва сердца была вызвана условиями работы в шахте? Вы и ваши инженеры преследовали другие цели. Нельзя сказать, что вам было не до этого. Наоборот, вам такие катастрофы с рабочими были весьма на руку.

Когда вредители говорили, что то или иное мероприятие не может быть проведено на шахте или на руднике, ибо у Донугля нет денег, то инженерам и техникам (невредителям), казалось, следовало бы затребовать от правления Донугля соответствующие сведения, а если они не могут быть даны для всех рудников, то можно было бы их получить для данного рудоуправления. Всякий инженер и техник, честно и добросовестно работающий на месте, обязан знать программу текущего года и перспективы ближайших лет работы своего рудоуправления. Этого не делалось руководителями бюро ИТС, которые должны оберегать интересы производства. Они не допускали критики со стороны молодого инженерства (старое было с ними).

Подходим к Управлению нового строительства. Во всех хозяйственных органах выделяют для ударной особо нужной работы особые управления. Донуголь пошел по этому пути, как-будто поступил правильно. Но когда вы всматриваетесь в истинное положение вещей, в истинные причины организации УНС, вы видите новый этап серьезнейшей вредительской работы, и перед вами встают вопиющие картины. УНС имеет во главе вредителей, поставленных организацией, и эти вредители, чтобы замедлить строительство новых шахт, принимают все меры, чтобы затормозить изготовление проектов. Они прикрывают это хорошей качественной работой, они пытаются применять все те новейшие данные, которые через приглашенных из-за границы инженеров или другим путем попадают в их руки. Они ожидают возврата старых хозяев, хотят преподнести им хорошие шахты, но не хотят эти проекты выдать советскому правительству на руки, и, чтобы затянуть дело, начинают с вредительской целью разраба-

тывать целую серию, огромное количество вариантов. Все это задерживает работу, не дает возможности своевременно заложить шахты. Если же, под давлением необходимости, шахты закладываются, они закладываются нерационально и не в тех пластах, где нужно заложить, закладываются технически безграмотно.

УНС имел в своем распоряжении Технический совет. Технический совет был консультативным органом. Здесь, на суде, при допросе профессоров, стоящих вне всякого подозрения, получен ответ, что если бы УНС хотел вести вредительскую работу, он смог бы превратить Технический совет (орган консультативный) в ширму, прикрывающую вредительство. А УНС вел именно такую вредительскую работу.

Надлежит отметить, как факт скрытого вредительства, использование иностранных специалистов. При вредительской линии в правлении Донугля и технической верхушки рудоуправления иностранные специалисты ставились в такое положение, где они были совершенно бесполезны, или туда, где их голос был «гласом вопиющего в пустыне».

Свидетель, немецкий инженер Фоппе, крупный специалист по коксованию углей, уволенный Донуглем, совершенно ясно демонстрирует это своим примером. На одном рудоуправлении, где он знакомился с работой в наших условиях, его продержали 3 месяца и откомандировали обратно, под тем вздорным предлогом, что комната, где он жил, потребовалась другому лицу. При от'езде инж. Фоппе из рудоуправления администрация даже не спросила его, желает ли он сделать замечания или дать указания по технике коксового процесса. Его перевели, после его настойчивого требования, в другое рудоуправление. Здесь

коксовое хозяйство велось из рук вон плохо. Срочно потребовалось переделать топку. Несмотря на его неоднократные требования экстренно выписать гарнитуру, последняя не выписывалась. Недели через три он обнаруживает ее на складе, но не хватает вентилей. Наконец, его уволили, пропустив установленный законом срок для его предупреждения.

Старший технический директор Донугля, Бояршинов, на вопрос суда не мог дать ответа, как же был использован германский инженер Фоппе, хотя техническая часть была в ведении Бояршинова. Он даже не мог сообщить, сколько в Донугле иностранных инженеров и техников, каково их качество и какова степень их использования.

Скрытый акт вредительства должен был иметь место в составляемых ежегодно производственно-финансовых планах и в пятилетнем плане капитального строительства. Это должно было иметь место по одному тому, что в УНС Донугля сметы на новое строительство составлялись заведомо преувеличенные, что должно было раздувать затраты на капитальное строительство и увеличивать предполагаемую себестоимость топлива. Обвиняемый Матов не дал должного раз'яснения по этому вопросу; эту вредительскую работу раскрыл суду обвиняемый Скорутто.

Идя вверх по лестнице вредительства и попадая в центр, в Москву, мы встречаемся и здесь с вредительской работой. Неправильная работа Донугля вуалируется здесь, несоответствие одной части работы другой затушевывается, и вредительская на местах работа Донугля представляется в таком виде, что о ней дается удовлетворительный отзыв.

Красной нитью через весь этот кошмарный процесс, процесс экономической контр-революции, проходит отсутствие советской общественности у того инженерства, кото-

рое не было вместе с вредителями. Они в большинстве (в Шахтинском районе 80% всех инженеров) не проявили активности и позволили сделать себя слепым орудием вредительской организации.

Сидящие здесь, на скамье подсудимых, продавали интересы народа, среди которого они выросли и из недр которого вышли. Они были цепными собаками капитализма. Они хотели обезобразить лицо нашей промышленности, они хотели вызвать смерть рабочего класса.

Если бы мне задали вопрос: «Какой худший вид преступника можно вообразить себе?», не зная процесса, я бы задумался, но теперь скажу — «Смотрите на них — контр-революционеров Донбасса».

Товарищ председатель, от имени более стотысячной массы инженеров и техников, давших мне наказ на шахтинский процесс и подтвердивших этот наказ уже после судебного разбирательства, мы просим вас применить жесточайшее наказание к преступникам, не находящим себе наименования. Пусть наказание преступников послужит жестоким уроком для других: не сметь срывать роста социалистического хозяйства, являющегося возрождением пролетариата, трудящихся всего мира!

28250

85 коп.